

N 61
199

801-13
1818

ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦІИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

СЪ КАРТОЮ и ДІАГРАММОЮ

РЕДАКЦІЯ

О. А. Шкапскаго.

ар. 31-12761

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. В. Успенскаго.
1907.

сокращеніе трудовыхъ нормъ землепользованія, а тѣмъ самымъ и будетъ вліять на увеличеніе колонизаціонной емкости.

При намѣченной схемѣ не можетъ быть допустимо какое бы то ни было укрѣпленіе земли за тѣмъ или инымъ обществомъ или лицомъ. Земля вся принадлежитъ государству, а земледѣльческое населеніе сохраняетъ за собою право размѣститься на территоріи государственныхъ земель такъ, какъ оно находитъ это возможнымъ. Принадлежность ренты государству исключаетъ возможность возникновенія земельной спекуляціи, а арендная плата будетъ побуждать населеніе сохранять въ своемъ пользованіи лишь такое количество земли, какое можетъ держать каждый землевладѣлецъ при данныхъ условіяхъ веденія сельскаго хозяйства и при данномъ обложеніи земли арендою.

Проведенная на намѣченныхъ основаніяхъ земельная реформа въ самомъ началѣ своего существованія выдѣлитъ колонизаціонный фондъ, который въ дальнѣйшемъ обнаружитъ значительную колонизаціонную емкость Сибири.

Н. Шуманъ.

Переселенцы и аграрный вопросъ въ Семирѣченской области.

На переселеніе крестьянъ въ Сибирь и Киргизскую степь многіе возлагаютъ надежды, какъ на средство разрѣшить обострившійся въ Европейской Россіи аграрный вопросъ. Сторонники такого мнѣнія не принимаютъ однако во вниманіе, во-первыхъ, того, что переселенческий вопросъ составляетъ лишь часть общаго аграрнаго вопроса, а во-вторыхъ, того, что переселеніе, вслѣдствіе столкновенія съ интересами аборигеновъ колонизаціонныхъ районовъ, ведетъ къ возникновенію аграрнаго вопроса и въ Азіи, правда не въ такой острой формѣ, какъ въ Европейской Россіи, но тѣмъ не менѣе болѣзненно переживаемого мѣстнымъ населеніемъ. Въ нѣкоторыхъ же колонизаціонныхъ районахъ мѣстные социальныя условія уже привели къ созданію своего мѣстнаго аграрнаго вопроса, который при широкомъ развитіи переселеній общаетъ принять грозныя формы.

Для того, кто серьезно относится къ аграрному вопросу вообще и переселенческому въ частности, будетъ не лишне познакомиться съ тѣми фактами земельнаго быта, которые выдвинуты жизнью тамъ, куда направляется переселенческая волна.

Поэтому я позволю себѣ предложить вниманію читателя нѣкоторые данныя о положеніи неустроенныхъ въ Семирѣчьи переселенцевъ и тѣхъ сторонахъ жизни мѣстнаго населенія, которые тѣсно соприкасаются съ вопросомъ переселенческимъ.

I.

Семирѣченская область давно уже считается однимъ изъ лучшихъ районовъ для русскихъ крестьянъ-переселенцевъ. Цѣлый рядъ русскихъ селеній, возникшихъ въ разныхъ частяхъ области

за время съ 1868 по 1893 г., служить доказательствомъ справедливости этого мнѣнія. Но самымъ нагляднымъ доказательствомъ являются цифры. Приводимая ниже таблица, составленная на основаніи официальныхъ статистическихъ данныхъ, даетъ полное представление о богатствѣ и довольствѣ Семирѣченскихъ крестьянъ старожиловъ.

УѢЗДЫ.	Число селеній.	Число дворовъ въ 1902 г.	Всего земли.	Удобной.	Запашекъ въ 1902 г.	Скота въ ревolutъ на крупный.	Приходится на дворъ.			0/о запашекъ къ удобной.
			дес.	дес.			Удоб. земли.	Запашекъ.	Скота.	
Вѣрненскій . .	6	765	22928	20626	9563	10814	27,3	12,5	14,2	46,3
Копальскій . .	2	421	13580	12500	4171	6966	30,1	9,9	16,5	33,4
Лепсинскій . .	8	1321	42883	36352	13373	25080	27,9	10,1	19,0	36,8
Пишпекскій . .	9	1502	42003	37023	10110	20901	24,6	6,7	13,9	27,3
Пржевальскій .	6	1057	43214	39762	13122	27024	38,2	12,4	25,5	33,1
Итого . .	31	5066	164608	146263	50339	90785	28,8	9,9	17,9	34,4%

Цифры эти лучше всякихъ описаній рисуютъ благоденствіе тѣхъ Воронежскихъ и Курскихъ крестьянъ, которые, перенеся всѣ мытарства дальняго странствованія, водворились въ Семирѣчьи.

Крестьяне довольно медленно наполняли собою существующія нынѣ селенія. Какъ свидѣтельствуеъ „Проектъ Всеподданнѣйшаго отчета Генерала Кауфмана по управленію Туркестанскимъ краемъ за время съ 1867—1881 г.“, въ періодъ съ 1868—1880 г. водворилось въ Семирѣчьи крестьянъ 2075 семей, т.-е. въ среднемъ 110 семей въ годъ. Къ сожалѣнію, за послѣдующіе годы цифръ движенія переселенцевъ нѣтъ, но есть данныя за 1891 и 1892 гг., когда, вслѣдствіе голода въ Европейской Россіи, погнавшаго тысячи семей на новыя земли въ Сибирь, значительная волна переселенцевъ направилась въ Семирѣчье. Много натерпѣлись крестьяне въ странствованіи по безводной пустынѣ, отъ Акмолинска къ Пишпеку, но добрались, наконецъ, до земли обѣтованной, про которую они должны были слышать тамъ, гдѣ отдѣлились отъ главной переселенческой волны. Прибыло въ Семирѣчье въ

1891—1892 г.—1769 семей, что составляетъ 85% того числа, какое прибыло въ область въ первыя 13 лѣтъ. Эта первая мощная волна застала администрацію врасплохъ. Однако, кое-какъ часть крестьянъ удалось устроить въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ были свободныя надѣлы, часть прибывшихъ переселенцевъ образовала два новыхъ селенія, а часть стала колонизировать область за свой страхъ и рискъ. Приписавшись въ мѣщане г. Пишпека, крестьяне стали вести зерновое хозяйство на ежегодно арендуемыхъ у киргизъ земляхъ. Другая же часть крестьянъ колонизаторовъ за свой страхъ и рискъ арендовала у киргизъ землю и водворилась на ней, образовавъ постепенно въ Пишпекскомъ уѣздѣ два новыхъ селенія, въ которыхъ въ 1904 году было 372 двора. Селенія эти росли въ теченіе десяти лѣтъ, причемъ за тотъ же періодъ шла у нихъ упорная борьба съ администраціей, стремившейся выдворить крестьянъ на родину. Въ этой борьбѣ побѣдили крестьяне и въ 1902 г. образованныя ими селенія были признаны официально существующими. Не успѣла, однако, затихнуть эта десятилѣтняя борьба крестьянъ съ администраціей, какъ въ Семирѣчье хлынула новая волна переселенцевъ, значительная часть которыхъ шла изъ Акмолинской области отъ неурожая 1901 г. Вторая волна оказалась еще болѣе грозной. Число прибывшихъ въ область въ 1902 г. переселенцевъ определено администраціей въ 2787 семей. Въ 1904 г. изъ этого числа жило въ одномъ Пишпекскомъ уѣздѣ 1205 семей, изъ которыхъ 204 семьи были въ 1902 г. поселены на правомъ берегу рѣки Чу на земляхъ, по волѣ мѣстнаго начальства изъятыхъ изъ пользованія киргизъ для казаковъ, на земляхъ, которыя и до настоящаго времени еще не орошены; 330 дворовъ образовали два самовольныхъ селенія на арендованныхъ у киргизъ только подъ усадьбы земляхъ, а остальные 671 семья поселились въ г. Пишпекѣ и въ различныхъ старыхъ русскихъ селеніяхъ. Всѣ эти крестьяне, не имѣя своей земли, сѣютъ пшеницу на ежегодно арендуемыхъ у киргизъ земляхъ, зачастую въ 15—20 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ они временно поселились. Нѣтъ, конечно, надобности доказывать, что такое хозяйство — не хозяйство и что при такихъ условіяхъ жизни крестьянъ нельзя говорить о какомъ бы то ни было сельско-хозяйственномъ прогрессѣ. А при наличности свыше 50% крестьянъ, не имѣющихъ своей осѣдлости, нельзя даже говорить и вообще о прогрессѣ.

День за днемъ проходить въ борьбѣ за кусокъ хлѣба, жизнь идетъ внѣ общественнаго уклада, крестьянинъ все время сидитъ и чувствуетъ себя чужакомъ, — а впереди полнѣйшая неизвѣстность, попадетъ ли онъ снова въ число гражданъ какого-нибудь села, гдѣ онъ, облегченно вздохнувъ, въ состояніи будетъ приняться за устроение своей жизни.

Между тѣмъ, при наличности рѣдкаго населенія, когда на квадратную версту во всей области приходится 3,1 человѣка, при минимумѣ въ Лепсинскомъ уѣздѣ въ 1,9 человѣка и максимумѣ въ Пишпекскомъ уѣздѣ въ 5,1 человѣка, казалось бы, есть возможность дать мѣсто не только тѣмъ крестьянамъ, которые прибыли въ область, но и тѣмъ, которые прибудутъ въ будущемъ. Однако, эта возможность не осуществляется на дѣлѣ и если крестьяне, прибывшіе въ 1891—92 г., путемъ десятилѣтней борьбы добились, наконецъ, нѣкотораго устройства, то прибывшіе въ 1902 г. еще ждутъ этого устройства, а когда это случится — о томъ никто не знаетъ. Невольно возникаетъ вопросъ, что же мѣшаетъ скорѣйшему устройству крестьянъ? Отвѣтитъ на этотъ вопросъ и составляетъ одна изъ задачъ этой статьи.

II.

Прежде чѣмъ говорить о причинахъ, препятствующихъ скорѣйшему устройству переселенцевъ, остановлюсь нѣсколько подробнѣе на экономическомъ и земельно-хозяйственномъ положеніи неустроенныхъ крестьянъ-переселенцевъ. Материаломъ для такой характеристики будутъ служить собранныя мною данныя о положеніи переселенцевъ въ двухъ районахъ Семирѣченской области: сѣверо-восточномъ — Лепсинскомъ и Копальскомъ уѣздахъ и юго-западномъ — Пишпекскомъ уѣздѣ.

Объ этихъ переселенцахъ имѣются прежде всего данныя о мѣстахъ выхода ихъ. Такія данныя имѣются о 1438 семействахъ и онѣ говорятъ, что большая часть ихъ — выходцы изъ западной Сибири (преимущественно Акмолинская область) 29,1%, изъ центрально-земледѣльческаго района (преимущественно Воронежская губ.) 21,4% и изъ Малороссіи (преимущественно Харьковская и Полтавская губ.) 17,9%. А такъ какъ выходцы изъ Сибири жили въ послѣдней мало и тоже въ большинствѣ случаевъ вышли изъ

центрально-земледѣльческихъ и малороссійскихъ губерній, то можно смѣло всѣ 68,4% отнести къ выходцамъ указаннаго выше района Европейской Россіи.

По экономическому своему положенію переселенцы Семирѣчья могутъ быть раздѣлены на два типа. Въ сѣверо-восточномъ районѣ переселенцы являются какъ бы временными жителями: большинство ихъ живетъ на квартирахъ у крестьянъ и арендуетъ землю ежегодно для посѣва. Насколько временна ихъ жизнь въ крестьянскихъ селеніяхъ, видно изъ того факта, что, по собраннымъ мною въ четырехъ селеніяхъ Лепсинскаго уѣзда даннымъ о числѣ переселенцевъ за 1902, 1903 и 1904 г.г., постепенно число ихъ убывало. Въ 1902 г. было ихъ 399 дворовъ, а въ 1904 г. ихъ осталось 139, т.-е. 34,1% всего числа ихъ бывшаго въ 1902 г. Слѣдовательно, 65,9% ихъ ушло изъ сѣверо-восточной части области. Изъ числа переселенцевъ сѣверо-восточной части, проживавшихъ въ шести селеніяхъ въ числѣ 378 дворовъ, занимающихся земледѣліемъ, было 306 дворовъ, или 80,9%. Всѣ они арендуютъ землю для посѣва у киргизъ и отчасти у казаковъ въ размѣрѣ отъ 2 до 6 дес. за плату отъ 50 коп. до 3 руб. десятины. Переселенцы имѣютъ свой скотъ въ размѣрѣ 2,8 головы на дворъ, но при этомъ 16,4% ихъ вовсе не имѣютъ скота. Главная характерная черта переселенцевъ сѣверо-восточнаго района Семирѣчья это то, что они живутъ главнымъ образомъ на квартирахъ. Изъ нихъ только 25,6% завели свои усадьбы: одни купили часть усадебъ у старожиловъ и построили свои дома, другіе, какъ это сдѣлали переселенцы въ казачьемъ выселкѣ Тополевскомъ, арендовали у казаковъ часть выгона за плату въ 2½ коп. квадратная сажень, построили свои дома и образовали цѣлый поселокъ. За исключеніемъ этихъ крестьянъ, стремящихся очевидно прочно осѣсть въ выселкѣ Тополевскомъ, всѣ остальные переселенцы не могутъ прочно водвориться. Они бѣжали въ 1902 г. послѣ неурожая въ Акмолинской области, бѣжали туда, гдѣ есть дешевый хлѣбъ, отдохнули тамъ и начинаютъ возвращаться назадъ или идутъ дальше на югъ въ Пишпекскій уѣздъ, эту своего рода обѣтованную землю, гдѣ переселенцы водворяются цѣлыми селеніями.

Переселенцы Пишпекскаго уѣзда представляютъ въ этомъ отношеніи прямую противоположность переселенцамъ сѣверо-восточнаго района. Живущихъ на квартирахъ тамъ 25,6% (225 дворовъ).

а изъ обладателей своихъ усадебъ—329 дворовъ, или 37,4% общаго числа переселенцевъ, на арендованной у киргизъ землѣ образовали два такъ называемыхъ самовольческихъ селенія, 192 двора, или 21,7%, также на арендованной у киргизъ землѣ поселились отдѣльными хуторами или же поселились на хуторахъ, арендованныхъ у мѣщанъ г. Пишпека, и, наконецъ, 135 дворовъ, или 15,3%, приобрѣли въ собственность дома въ г. Пишпекѣ, частью перечислившись въ мѣщане г. Пишпека, частью оставаясь крестьянами. Всѣ они арендуютъ землю для посѣва у киргизъ. Аренда также какъ и въ сѣверо-восточномъ районѣ годичная, съ платою отъ 2—4 руб. и сверхъ того за орошеніе 1 р. 50 к.

Характерную черту Пишпекскихъ переселенцевъ представляетъ образованіе такъ называемыхъ самовольческихъ селеній. Крестьяне арендуютъ въ числѣ нѣсколькихъ лицъ небольшой участокъ земли на 30 лѣтъ и на этомъ участкѣ строятъ себѣ усадьбы. Другая группа крестьянъ арендуетъ рядомъ лежащій участокъ на такихъ же условіяхъ и также строятъ усадьбы. Такимъ путемъ возникаютъ самовольческія селенія. Починъ въ этомъ дѣлѣ дали крестьяне-переселенцы въ 1892 г., образовавъ небольшое селеніе къ западу отъ селенія Бѣловодскаго. Несмотря на то, что администрація начала гоненіе противъ этого селенія, послѣднее росло и черезъ десять лѣтъ, вмѣсто 4 семей, было тамъ 158, которымъ и была, наконецъ, отведена земля въ количествѣ 3.920 дес. Почти одновременно возникло и другое селеніе, которое также въ 1902 г. получило 4.000 дес., когда въ немъ было 210 дворовъ. Примѣръ этихъ двухъ селеній нашелъ подражателей. Въ 1902 г., когда нахлынула въ область вторая волна переселенцевъ, часть ихъ арендовала у киргизъ земли подъ усадьбы и образовала два селенія: Покровка и Свинаяча выселка. Въ первомъ изъ нихъ въ 1904 г. было 151 дворъ, а во второмъ—177. Первые подъ усадьбы арендовали 73,5 дес., а вторые—71,6 дес. Но въ то время, какъ первые приобрѣтали землю въ среднемъ по 42 р. 20 к., вторые платили по 5 р. 65 к. Это показываетъ, что крестьяне не останавливаются передъ расходами, чтобы прочно водвориться.

Экономическое положеніе этихъ двухъ селеній въ среднихъ выводахъ иллюстрируется слѣдующими цифрами:

	Число дворовъ.	% имѣ- вшихъ за- пашки.	Средній размѣръ запаш.	Среднее число скота на дв.	% не имѣющихъ скота.
Покровка . . .	151	75,2	2,2	3,5	6,6
Свинаяча высел- ка	177	67,8	2,4	3,6	11,8

Положеніе этихъ крестьянъ не представляется безотраднымъ. Но надо, однако, замѣтить, что, во-первыхъ, они не имѣютъ своей на-дѣльной земли для пашень, сѣнокоса и выгона и всѣ эти угодья арендуютъ у киргизъ, платя аренды въ Покровкѣ по 5,5 руб. за дес., а въ Свинаячей выселкѣ (Кара-тубе тожь)—по 4,7 руб., а во-вторыхъ, аренда усадебной земли признается администраціей незаконной. Покровцы вслѣдствіе этого испытали цѣлый рядъ гоненій, а Свинаяча выселка, не подвергаясь гоненіямъ со стороны администраціи, подверглась гоненію со стороны стараго селенія Бѣловодскаго, богатые крестьяне котораго лишились выгона для своихъ свиней, почему и дали такое названіе самовольному селенію.

Земельное устройство этихъ двухъ селеній необходимо. Но кромѣ нихъ есть еще масса крестьянъ, у которыхъ нѣтъ своихъ усадебъ и которые также ждутъ своего устройства.

III.

Какъ въ 1891, такъ и въ 1902 г. переселенцы прибыли не въ пустыню, а въ районъ, хотя и слабо, но населенный, а потому вопросъ объ устройствѣ ихъ сталкивается съ интересами прежнихъ обывателей.

Населеніе Семирѣченской области состоитъ изъ киргизъ, аборигеновъ страны, и изъ пришлаго элемента, каковымъ являются крестьяне и казаки (русскіе), таранчинцы и дунгане. Послѣднія двѣ группы населенія—переселенцы изъ китайскихъ предѣловъ, частью

(дунгане) бѣжавшіе изъ Китая въ 1877 г., частью перешедшіе въ область въ 1881 г. послѣ возвращенія Китая занятаго русскими въ 1871 г. Кульджинскаго края.

Все населеніе области распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 929.599 чел. об. пола—сельское населеніе, 63.977 чел.—городское и 26.650 чел.—внѣ-городское, но не ведущее сельское хозяйство. При разсмотрѣніи аграрнаго вопроса интересъ представляетъ главнымъ образомъ первая группа, которая по національностямъ и классовымъ различіямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 33.141 чел.—казаки, 42.010—крестьяне, 57.610—таранчинцы, 10.791—дунгане и 786.057—киргизы. Въ ‰-мъ отношеніи это составятъ: киргизы 84,4‰, таранчинцы—6,2‰, крестьяне 4,5‰, казаки—3,5‰ и дунгане 1,4‰.

Первая изъ указанныхъ группъ населенія считается официально кочевниками, ведущими кочевое скотоводческое хозяйство. Однако, жизнь давно уже вызвала у нихъ стремленіе къ переходу въ осѣдлое состояніе съ преобладаніемъ земледѣлія. На сколько быстро идетъ этотъ процессъ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ, во-первыхъ, о ростѣ земледѣлія, а во-вторыхъ, о сокращеніи скотоводства. И тѣ и другія данныя взяты изъ официальной статистики. Первые данныя о ростѣ земледѣлія за 1898—1902 г., а вторыя—за два періода: за конецъ 70-хъ годовъ и за 1902 г.

Размѣры киргизскаго земледѣлія росли по годамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ 1898 г. было посеяно зерновыхъ хлѣбовъ 153.710 дес.

„ 1899 г.	„	„	„	„	167.297	„	увел. на 8,8‰
„ 1900 г.	„	„	„	„	183.866	„	„ „ 9,9‰
„ 1901 г.	„	„	„	„	206.043	„	„ „ 12,1‰
„ 1902 г.	„	„	„	„	215.783	„	„ „ 5,7‰

Цифры эти не нуждаются въ комментаріяхъ.

Еще рельефнѣе сказывается переходъ къ новымъ хозяйственнымъ формамъ по даннымъ о размѣрахъ скотоводства, которыя приведены въ слѣдующей таблицѣ по различнымъ уѣздамъ:

У ѣ з д ы.	На 1 кибитку приходится скота.		‰ уменьшенія.
	Данныя за конецъ 70-хъ г.	Данныя за 1902 г.	
Вѣрненскій	13,17*)	7,3	80,8
Копальскій	11,16	8,8	26,8
Лепсинскій	7,71	6,7	14,9
Пишпекскій	12,29	10,5	17,1
Пржевальскій	22,37	16,0	40,0

И этотъ второй рядъ цифръ убѣдительно доказываетъ, что въ киргизскомъ хозяйствѣ замѣчается переходъ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому. Поэтому при соображеніяхъ по вопросу объ устройствѣ переселенцевъ необходимо считаться съ этимъ факторомъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что территория, въ настоящее время являющаяся наиболѣе пригодной для земледѣлія, довольно ограничена. По даннымъ Семирѣченскаго статистическаго комитета, эта территория, расположенная въ полосѣ предгорій, равна 17.649 кв. верстамъ, т.-е. 1.835.496 дес.

Эта территория, обладая наилучшими по качеству землями, наиболѣе богата водными запасами, что, при необходимости въ большинствѣ случаевъ искусственнаго орошенія, представляетъ весьма важнымъ факторомъ въ дѣлѣ развитія земледѣльческой культуры. Есть, конечно, и еще земли, пригодныя для земледѣлія, но онѣ расположены ниже этой земледѣльческой полосы и нуждаются въ проведеніи ирригаціонныхъ сооружений, причемъ послѣднія требуютъ значительной затраты труда и капитала и болѣе значительной, чѣмъ то требовали существующія сооружения. Послѣднія населеніе проводило изъ небольшихъ водныхъ источниковъ (гор-

*) Такъ какъ въ данныхъ за конецъ 70-хъ годовъ, взятыхъ мною изъ отчета Туркестанскаго Генераль-Губернатора Кауфмана за 1867—1881 г., мелкій скотъ переведенъ на крупный по расчету 10 головъ за одну крупнаго, то и данныя за 1902 г. для сравненія приведены въ такой же пропорціи, а не въ обычно принимаемой—6 головъ мелкаго за голову крупнаго.

ных рѣчек) и почти всецѣло ихъ использовало. Для новыхъ же сооружений нужно пользоваться водою изъ крупныхъ источниковъ, или же добывать воду изъ скрытыхъ подъ почвою запасовъ воды.

Если теперь разсмотрѣть, какъ использована упомянутая выше полоса пригодныхъ для земледѣльческой культуры земель, то получится слѣдующее:

Для всѣхъ группъ осѣдлаго населенія: казаковъ, крестьянъ, таранчинцевъ и дунганъ—земли были отведены въ этой предгорной полосѣ въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	Всего земли.	Въ томъ числѣ удобной.	Въ томъ числѣ орошенной.
	десятиинъ.	десятиинъ.	десятиинъ.
Казакамъ	523011	360510	172978
Крестьянамъ	164608	146263	85378
Таранчинцамъ и дунганамъ	155907	?	56972
Итого	843526	?	315328

Такимъ образомъ, изъ всей предгорной полосы въ 1.835.496 дес. въ пользованіи киргизъ имѣется 991.970 дес., изъ которыхъ, по даннымъ официальной статистики, у нихъ имѣется орошенныхъ искусственно земель 368.243 дес. Отношеніе числа орошенныхъ земель къ общему числу земель у первыхъ трехъ группъ населенія (осѣдлыхъ) равно 37,4%, а у киргизъ—37,1%. Такимъ образомъ, хозяйственные условія у земледѣльческаго населенія одинаковы и, поэтому какъ осѣдлому населенію необходимо оставить всѣ тѣ земли, которыя имъ отведены, такъ точно необходимо оставить и занимающимся земледѣліемъ киргизамъ всѣ тѣ земли, которыя у нихъ сейчасъ есть. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ прежнее время, когда шло водвореніе казаковъ и крестьянъ, администрація не считалась съ интересами киргизъ и съ принципомъ справедливости и отбирала у киргизъ земли съ готовыми арыками. Такъ, по свѣдѣтельству отчета Генерала Кауфмана, въ 1847 г. казаки Копаль-

ской станицы получили 22.376 *) дес. пашень, обрабатывавшихся киргизами и ими же орошенныхъ.

Для полноты характеристики земельныхъ богатствъ Семирѣчья слѣдуетъ еще остановиться на тѣхъ миллионѣхъ десятиинъ земли, о которыхъ оповѣстило міръ русское телеграфное агентство въ телеграммѣ изъ Ташкента отъ 27 января 1906 г. Въ Семирѣченской области, гласитъ телеграмма, *„имѣется 4.846.000 дес. свободныхъ казенныхъ земель, вполне пригодныхъ для земледѣлія“*. Цифра солидная и въ настоящее время, когда начинаютъ возлагать на переселеніе надежды, что этимъ путемъ можно разрѣшить аграрный вопросъ въ Европейской Россіи, сообщеніе о наличности *„свободныхъ, вполне пригодныхъ для земледѣлія земель въ 4.846.000 дес.“* можетъ ретивыхъ сторонниковъ разрѣшенія аграрнаго вопроса путемъ переселеній побудить немедленно принять мѣры къ выселенію въ Семирѣченскую область „лишнихъ“ для Россіи крестьянъ.

Вѣдь 4.846.000 дес. земли, считая даже по 15 дес. земли на душу, дадутъ 323.066 душевыхъ долей или, полагая по 3 работника на семью, дадутъ возможность поселить свыше 107 тысячъ семей переселенцевъ. Если же надѣльная норма будетъ понижена по мѣстнымъ условіямъ, то емкость этого колонизаціоннаго фонда будетъ еще выше и, пожалуй, на этой территоріи смогутъ найти вторую родину крестьяне въ количествѣ около 150 тысячъ семей.

На сколько, однако, можно положиться на приведенныя агентствомъ свѣдѣнія? На этотъ вопросъ я и попытаюсь отвѣтить.

Прежде всего объ источникѣ свѣдѣній о 4.846.000 дес. земли. Источникъ этотъ вполне официальный и ташкентскій агентъ получилъ эту цифру изъ довольно компетентнаго учрежденія. Даныя же объ этихъ миллионѣхъ получены были слѣдующимъ образомъ.

Немного лѣтъ тому назадъ Семирѣченская областная администрація задумала выяснить размѣръ того колонизаціоннаго фонда, который имѣется въ области и въ интересахъ оживленія котораго необходимы затраты на проведеніе искусственнаго орошенія. Затребованы были свѣдѣнія отъ уѣздной администраціи, послѣднюю—отъ сельскихъ властей. Свѣдѣнія эти были потомъ сгруппированы,

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1855 г. казаки изъ этой площади за-сѣвали лишь 1526 дес., а, по даннымъ съемки казачьихъ земель 1897—1899 г., въ этой станицѣ подъ пашнями было 1.955 дес.

намѣчены мѣстности, возможные и невозможные для орошенія, подсчетомъ по картѣ была опредѣлена площадь такихъ земель и въ результатѣ получилась крупная заманчивая цифра и не въ 4.846.000 дес., а даже въ 4.854.780 дес. По крайней мѣрѣ послѣдняя цифра значится въ той копіи со сводной для области вѣдомости, которая въ настоящую минуту лежитъ передо мной. Въ этой вѣдомости всѣ данныя о земельномъ фондѣ Семирѣченской области распределены въ нѣсколькихъ графахъ, изъ которыхъ первая заключаетъ названіе селеній: русскихъ, таранчинскихъ и дунганскихъ, казачьихъ станицъ и киргизскихъ волостей, во второй графѣ приведены свѣдѣнія о числѣ орошаемыхъ земель, въ третьей перечислены названія источниковъ орошенія, а въ послѣдней графѣ, какъ гласитъ ея заголовокъ, приведены свѣдѣнія о „количествѣ удобныхъ, но необрабатываемыхъ за недостаткомъ орошенія земель“. Данныя послѣдней графы и дадутъ въ итогѣ 4.854.780 дес.

Подчеркнутый мною выше заголовокъ послѣдней графы упомянутой вѣдомости показываетъ, что ташкентскій агентъ, съ умысломъ или безъ умысла—это безразлично, говоря о вполнѣ „пригодныхъ для земледѣлія земляхъ“, не говоритъ всей правды.—Да, дѣйствительно, многія изъ мѣстностей, перечисленныхъ въ упомянутой вѣдомости, пригодны для земледѣлія, но онѣ нуждаются въ предварительномъ орошеніи, а последнее возможно, если есть источники свободной воды. Что это такъ, доказывается слѣдующимъ. По даннымъ упомянутой вѣдомости, въ Курдайской волости Вѣрненскаго уѣзда имѣется удобныхъ, но не обрабатываемыхъ за недостаткомъ орошенія, земель 32.000 дес., во второй же графѣ этой вѣдомости значится, что у киргизъ Курдайской волости имѣется орошаемыхъ земель 150 дес. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ того же Вѣрненскаго уѣзда, расположенныхъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Курдайской, число орошаемыхъ земель несравненно выше. Такъ въ Восточно-Кастекской волости киргизы имѣютъ орошаемой земли 5.000 дес., въ Чамалганской и Джайламышевской—12.929 дес., въ Каргалинской—4.000 дес., въ Больше-Алматинской—5.412 дес. Естественно задать вопросъ, почему же такое неравенство. Киргизы одной волости имѣютъ тысячи десятинъ орошаемыхъ земель, а киргизы Курдайской волости, имѣя 32.000 дес. удобныхъ земель, обрабатываютъ лишь 150 дес. Отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Они не имѣютъ водныхъ источниковъ для орошенія болѣе, чѣмъ 150 дес. Если

бы они имѣли больше воды, то несомнѣнно болѣе бы и заняли подъ обработку земель.

Я не стану приводить другихъ примѣровъ, ибо одинъ заголовокъ вѣдомости, составленной Семирѣченской администраціей и послужившей матеріаломъ для ташкентскаго агента, заголовокъ, приведенный мною выше, показываетъ, что эти 4.846.000 дес. нужно оросить, а для орошенія произвести цѣлый рядъ изслѣдованій. И пока эти изслѣдованія, а затѣмъ и оросительныя работы не будутъ произведены—нельзя кричать о заманчивыхъ цифрахъ. Надо при этомъ еще принять во вниманіе, что при наиболѣе дешевомъ по мѣстной практикѣ способѣ исполненія ирригаціонныхъ сооружений въ 20 руб. на десятину, орошеніе всѣхъ упомянутыхъ 4.846.000 дес. потребуетъ затраты капитала почти въ 100 милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ, „вполнѣ пригодными для земледѣлія“ эти милліоны десятинъ называть нельзя.

Но можно ли еще назвать эти земли „свободными“?

Та же вѣдомость заставитъ каждаго, кто начнетъ въ ней разбираться, выдѣлить изъ этихъ 4.846.000 дес., во-первыхъ, земли крестьянскихъ селеній, во-вторыхъ, казачьихъ станицъ, въ третьихъ, дунганскихъ и таранчинскихъ и, въ четвертыхъ, наконецъ, земли на территоріи киргизскихъ волостей. Самый завязтый сторонникъ увеличенія русской колонизаціи не рѣшится наложить руку на земли первыхъ трехъ группъ населенія. А удобныя, но необрабатываемыя за недостаткомъ орошенія земли этихъ группъ населенія по даннымъ той же вѣдомости опредѣляются въ 93.732 дес. Вотъ эту цифру нужно скинуть со счетовъ. Остается еще (4.854.780 дес.—93.732)—4.761.048 дес. земель, расположенныхъ на территоріи киргизскихъ земель.

Одинъ изъ публицистовъ „Новаго Времени“ въ № отъ 28 января въ статьѣ „Благія намѣренія ген. Субботича“ называетъ казенныя земли „захваченными киргизами“.—Тѣ 4 или 5 милліоновъ десятинъ въ Семирѣченской области, о которыхъ идетъ рѣчь, „Новое Время“ можетъ также причислить къ числу „захваченныхъ“ киргизами. Въ дѣйствительности же онѣ находятся въ законномъ пользованіи киргизъ, на что очень опредѣленно указываютъ ст. 120 и 121 Стенного Положенія и ст. 270 Туркестанскаго, которыя, признавая занятія киргизами земли государственною собственностью (а не казенными землями), въ то же время оставили ихъ

„въ безсрочномъ общественномъ пользованіи кочевниковъ“. Другими статьями тѣхъ же положеній кочевникамъ предоставлено право, съ согласія общества, занимать участки земли подъ земледѣліе. Такимъ образомъ, всѣ эти земли, находясь въ законномъ пользованіи киргизъ-кочевниковъ, а также и киргизъ осѣдающихъ, не могутъ быть названы свободными, а тѣмъ болѣе „захваченными“. Есть, однако, примѣчаніе къ ст. 120 Степного Положенія, согласно котораго земли, признаваемые излишними для обезпеченія киргизъ, подлежатъ переходу въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ. Вотъ только тогда и можно будетъ говорить о вполнѣ свободныхъ земляхъ, когда будутъ выяснены излишнія для киргизъ земли, но для опредѣленія излишнихъ земель нужно будетъ произвести сложныя статистико-хозяйственныя изслѣдованія, учесть качество земель и потребность въ нихъ киргизъ. Когда все это будетъ сдѣлано, когда будетъ опредѣлено—сколько нужно оставить земли киргизамъ, только тогда и можно будетъ сказать—сколько имѣется свободной земли въ Семирѣченской области, причемъ и тогда нужно сказать, что свободной земли нуждаются въ орошеніи.

Приведенное разъясненіе о 5 милліонахъ десятинъ земли и анализъ цифровыхъ данныхъ о распредѣленіи земель между различными группами населенія въ той части Семирѣченской области, гдѣ въ настоящее время ведется земледѣльческое хозяйство, приводятъ къ заключенію, что устройство прибывшихъ въ область крестьянъ-переселенцевъ встрѣчаетъ серьезныя препятствія. Въ этомъ заключается коренная причина того, что администрація не только не стремилась устроить крестьянъ, а даже поднимала противъ нихъ гоненіе: на крестьянъ-переселенцевъ сыпались угрозы выслать ихъ по этапу на родину, на нихъ дѣлались облавы киргизъ-джигитовъ уѣзднаго управленія, которые выдергивали произведенныя крестьянами древесныя насажденія, наконецъ, киргизъ, сдававшихъ крестьянамъ въ аренду землю, карали арестомъ отъ 5 до 7 сутокъ и штрафами въ 15 руб.

IV.

Охарактеризовавъ вообще распредѣленіе земель между различными группами населенія на территоріи вышеупомянутыхъ 17.649 кв. верстъ, остановлюсь на болѣе детальной характеристикѣ земле-

пользованія, а также на нѣкоторыхъ чертахъ бытового характера изъ жизни киргизъ. Эти данныя только укажутъ на сложность мѣстнаго аграрнаго вопроса.

Приведу прежде цифры, характеризующія общее экономическое положеніе всѣхъ группъ населенія, пользуясь данными за 1902 г. Данныя эти приведены въ слѣдующей таблицѣ:

У ѣ з д ы.	К а з а к и.		Крестьяне.		Таранчи и Дунгане.		Киргизы *).	
	На 1 дв. зашатекъ.	На 1 дворъ скота.	На 1 дв. зашатекъ.	На 1 дворъ скота.	На 1 дв. зашатекъ.	На 1 дворъ скота.	На 1 дв. зашатекъ.	На 1 дворъ скота.
	Десят.		Десят.		Десят.		Десят.	
Вѣрненскій . . .	7,6	7,2	12,5	14,2	3,2	3,8	1,9	8,7
Копальскій . . .	4,5	8,3	9,9	16,5	—	—	0,7	10,2
Лепсинскій . . .	4,6	10,9	10,1	19,0	—	—	0,7	7,8
Пишпекскій . .	—	—	6,7	13,9	4,0	2,9	2,9	12,5
Пржевальскій . .	—	—	12,4	25,5	3,7	2,4	1,2	19,8
Джаркентскій .	7,0	16,3	—	—	4,3	4,8	0,7	15,2
Итого . .	6,1	8,8	9,9	17,9	3,8	4,1	1,4	12,4

Въ дополненіе къ этимъ цифрамъ относительно первыхъ трехъ группъ населенія (осѣдлаго) приведу еще слѣдующія.

*) Долженъ замѣтить, что среднія данныя о киргизахъ составляютъ отношеніе между всѣмъ киргизскимъ населеніемъ и площадью земель, а не только тѣмъ населеніемъ, которое осѣдаетъ.

УѢЗДЫ.	К а з а к и.				К р е с т ь я н е.				Таранч. и дунгане.			
	На 1 дворъ земли.			°/о запашекъ къ надѣлу.	На 1 дворъ земли.			°/о запашекъ къ надѣлу.	На 1 дворъ земли.			°/о запашекъ къ надѣлу.
	Всей	Удобной.	Запаш.		Всей.	Удобной.	Запаш.		Всей.	Удобной.	Запаш.	
	Десятинъ.				Десятинъ.				Десятинъ.			
Вѣрненск.	50,7	45,4	7,6	14,9	30,4	27,3	12,5	41,1	12,1	—	3,2	26,4
Копальск.	78,2	57,7	4,5	5,7	32,7	30,1	9,9	30,2	—	—	—	—
Лепсинск.	160,4	83,7	4,6	2,8	32,9	27,9	10,1	30,7	—	—	—	—
Пишпекск.	—	—	—	—	27,9	24,6	6,7	24,1	15,7	—	4,0	25,4
Пржевал.	—	—	—	—	41,5	38,2	12,4	29,8	16,6	—	3,7	22,3
Джаркент.	88,2	68,1	7,0	7,9	—	—	—	—	11,8	—	4,3	36,4
Итого .	84,9	58,5	6,1	7,1	32,4	28,8	9,9	30,5	12,8	—	3,8	29,7

Данные этихъ двухъ таблицъ говорятъ, что осѣдлое население надѣлено землею крайне неравномѣрно. Казаки получили въ 2,6 разъ больше земли, чѣмъ крестьяне, а таранчинцы и дунгане—въ 2,5 раза меньше, чѣмъ крестьяне. Но въ отношеніи степени пользованія землею—отношенія нѣсколько иныя. Въ абсолютныхъ цифрахъ крестьяне обрабатываютъ въ 1,6 разъ больше казаковъ, а казаки во столько же разъ больше таранчинцевъ и дунганъ. Относительно же площади надѣльной земли крестьяне, таранчинцы и дунгане запахиваютъ одну и ту же часть своего надѣла—нѣсколько меньше третьей части, но за то казаки запахиваютъ менѣе $\frac{1}{10}$ части своего надѣла. Надо, однако, замѣтить, что какъ крестьяне, такъ и дунгане не удовлетворяются надѣльной землей. Крестьяне помимо своей земли производятъ запашки на арендуемыхъ ими земляхъ у казаковъ и киргизъ, а дунгане арендуютъ у киргизъ землю подъ посѣвъ риса. О размѣрѣ дунганскихъ арендъ данныхъ не имѣется. Что же касается размѣра крестьянскихъ арендъ, то по 8 крестьянскимъ селеніямъ имѣются нѣкоторыя данныя, которыя указываютъ, что аренда эта въ среднемъ равна 2,7 на дворъ, колеблясь отъ 1,5 дес. до 5,3 дес. Если принять во вниманіе эти данныя, то

тогда нужно придти къ заключенію, что крестьяне во много разъ производительнѣе пользуются землею, чѣмъ казаки. Въ самомъ дѣлѣ, подвергая обработкѣ третью часть земли своего надѣла, а въ абсолютныхъ цифрахъ—запахивая въ полтора раза больше казаковъ, они въ то же время имѣютъ въ два раза больше скота, чѣмъ казаки.

Таранчинцы и дунгане по степени интенсивности своего земледѣльческаго хозяйства должны быть приравнены къ крестьянамъ, но скота они имѣютъ въ два раза меньше, чѣмъ казаки. Да это и понятно: имѣя свободными отъ распашки 9 десятинъ, они не могутъ имѣть скота больше, чѣмъ имѣютъ. А вотъ, что казаки, запахивая очень мало земли, имѣютъ въ то же время и мало скота—этому можно было бы удивляться, если бы не особенныя условія жизни казаковъ. Податей они не платятъ, на службу изъ 17,000 душъ мужского пола поставляютъ въ мирное время лишь 4 сотни, земли имѣютъ много и имѣютъ возможность получать отъ нея доходъ сдачей въ аренду да взиманіемъ съ киргизъ такъ называемаго подковытнаго сбора, т.-е. за пастбу и прогонъ скота на казачьей землѣ. Въ виду этого, а также въ виду того, что казаки лѣтомъ должны (хотя не всѣ) собираться на учебные сборы, нельзя удивляться слабой ихъ экономической производительности.

Обращаясь засимъ къ цифрамъ о киргизскомъ хозяйствѣ, слѣдуетъ замѣтить незначительные размѣры, какъ земледѣльческаго, такъ и скотоводческаго хозяйства, причемъ въ данномъ случаѣ цифры не отвѣчаютъ установившемуся мнѣнію, что ростъ земледѣлія идетъ параллельно упадку скотоводства. Приведенныя цифры не подтверждаютъ это представленіе, потому что, какъ сказано выше, размѣры запашки опредѣлены для всего киргизскаго населенія, а не только для того, которое ведетъ земледѣльческое хозяйство.

По размѣрамъ земледѣлія занимаютъ послѣднее мѣсто Лепсинскій, Копальскій и Джаркентскій уѣзды—0,7 дес. По размѣрамъ же скотоводства эти уѣзды занимаютъ: Джаркентскій (15,2) второе мѣсто, Копальскій (10,2) четвертое и Лепсинскій (7,8) послѣднее мѣсто. Такимъ образомъ, если Джаркентскій уѣздъ отвѣчаетъ представленію о томъ, что земледѣліе развивается параллельно упадку скотоводства, или, что гдѣ болѣе развито скотоводство, тамъ менѣе развито земледѣліе, то уже Лепсинскій уѣздъ не отвѣчаетъ этому:

и по размѣрамъ скотоводства и по размѣрамъ земледѣлія онѣ занимаютъ послѣднее мѣсто. Какія можно дать этому объясненія въ настоящее время при полномъ отсутствіи систематическихъ хозяйственныхъ изслѣдованій, сказать трудно. Три уѣзда съ наиболѣе развитымъ земледѣліемъ и по размѣрамъ скотоводства (за исключеніемъ Вѣрненскаго) стоятъ выше Лепсинскаго и Копальскаго уѣздовъ, а Джаркентскому уѣзду уступаютъ лишь Вѣрненскій и Пишпекскій, тогда какъ Пржевальскій уѣздъ, занимая третье мѣсто по размѣрамъ земледѣлія, по скотоводству занимаетъ первое мѣсто въ области.

Безспорно, конечно, что на колебанія приведенныхъ цифръ влияют и природныя и экономическія условія, но выяснитъ все это могутъ лишь подробныя изслѣдованія.

Но вотъ что заслуживаетъ вниманія. По Пишпекскому уѣзду, кромѣ приведенныхъ цифръ официальной областной статистики, имѣются еще данныя подворнаго изслѣдованія, произведеннаго лѣтомъ 1905 г. въ одной волости и при томъ такой, гдѣ очень интенсивно выразился переходъ киргизъ къ земледѣлію. Волость эта, Аламединская, по даннымъ областной статистики наиболѣе земледѣльческая. Въ 1904 г. въ ней площадь зерновыхъ посѣвовъ и посѣвовъ картофеля опредѣлена въ 16630 дес., тогда какъ въ остальныхъ волостяхъ того же уѣзда посѣвная площадь колеблется отъ 202 дес. до 7313 дес. Этими цифрами вполне опредѣляется первенствующее положеніе Аламединской волости по размѣрамъ земледѣлія.

Данныя по Аламединской волости имѣются у меня сгруппированными по административнымъ аульнымъ обществамъ. Въ среднемъ по всей волости на 1 кибитку приходится 15,5 головъ скота, 2,9 дес. посѣвовъ на орошаемыхъ земляхъ и 1,9 дес. на не поливныхъ *), а всего 4,8 дес. всѣхъ запашекъ. Если разсматривать среднія данныя по административнымъ ауламъ, то мы получимъ максимальный размѣръ скотоводства въ 38,9 головъ, а минимальный въ 7,6 головъ, а размѣры запашекъ тахимумъ въ 7,1 дес. и

*) Въ Туркестанѣ, кромѣ хозяйства на искусственно орошаемыхъ земляхъ, ведется хозяйство преимущественно въ предгорьяхъ на земляхъ, орошаемыхъ атмосферною влагою. Такія земли называются багарными, кайрачными, льями. Въ Семирѣчьи онѣ зовутся кайрачными.

minimum въ 3,5 дес. Если выдѣлить аулы съ этими максимальными и минимальными величинами, то получимъ слѣдующее:

	X ауль	38,9	головъ скота,	5,5	дес. посѣва.
XIX	"	7,6	" "	3,7	" "
VII	"	15,3	" "	7,1	" "
V	"	13,9	" "	3,5	" "

Эти цифры приводятъ къ выводу, что размѣры земледѣлія и скотоводства прямо, а не обратно, пропорціональны. Такой выводъ еще болѣе подтверждается данными о размѣрахъ посѣвовъ на искусственно орошаемыхъ земляхъ, т.-е. на такихъ, гдѣ хозяйства болѣе упрочены. Возьму аулы съ максимумомъ и минимумомъ скотоводства и земледѣлія.

	X ауль	38,9	головъ скота,	5,1	дес. посѣва на поливныхъ пашн.
XIX	"	7,6	" "	2,2	" " " "
II	"	19,4	" "	5,1	" " " "
VI	"	19,1	" "	0,9	" " " "
XII	"	12,1	" "	0,9	" " " "

Во всѣхъ этихъ аулахъ имѣются посѣвы на кайрачныхъ земляхъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	X ауль	0,4	дес.
XIX	"	1,5	"
II	"	0,1	"
VI	"	3,7	"
XII	"	5,0	"

Несмотря на различныя колебанія въ цифрахъ, онѣ подтверждаютъ только что высказанное, что размѣры земледѣлія и скотоводства прямо пропорціональны другъ другу.

Сопоставлю теперь среднія данныя по Аламединской волости со средними данными о крестьянскихъ и дунганскихъ хозяйствахъ Пишпекскаго уѣзда.

	Размѣръ запашекъ.	Число скота.
Крестьяне	6,7 дес.	13,9
Дунгане	4,0 "	2,9
Всѣ киргизы	2,9 "	12,5
Аламединская вол.	4,8 "	15,5

Выводъ изъ этихъ данныхъ можетъ быть сдѣланъ таковъ. Тамъ, гдѣ мѣстные природныя условія допускаютъ развитіе земледѣлія и гдѣ имѣется достаточный просторъ, тамъ киргизы, осѣдая на землю, параллельно развитію земледѣлія развиваютъ и свое скотоводческое хозяйство. То же можно сказать и про крестьянъ. Что же касается дунганъ, то слабое развитіе скотоводства у нихъ, какъ я сказалъ выше, всецѣло объясняется незначительностью надѣльной земли. Они для скота имѣютъ 11,7 дес., тогда какъ крестьяне имѣютъ 21,2 дес.

Аналогія, замѣчаемая между хозяйствомъ русскаго крестьянина и осѣдающаго или, вѣрнѣе, осѣвшаго киргиза, указываетъ на тотъ путь, по которому вообще идетъ мѣстное сельское хозяйство. Хлѣбъ и скотъ—вотъ главнѣйшіе продукты хозяйства. Эта же аналогія приводитъ къ заключенію, что какъ нельзя отобрать землю у крестьянина-старожила для пришедшаго крестьянина-переселенца, такъ точно нельзя ее взять и у киргиза, ведущаго, какъ явствуетъ изъ вышеприведенныхъ цифръ, такое же хозяйство, какое ведутъ и крестьяне.

Выводъ безотрадный для пришедшихъ переселенцевъ, но иного сдѣлать нельзя.

V.

Теперь я перейду къ характеристикѣ нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ, относящихся къ вопросу о землепользованіи у киргизъ. Существующимъ закономъ вопросъ этотъ разрѣшенъ очень просто. Законодатель, исходя изъ представленія, что киргизы—кочевники, а слѣдовательно, переживаютъ патриархальный періодъ человѣче-

ской жизни и что въ этомъ патриархальномъ строѣ большую роль играетъ родовое начало, служащее тормозомъ къ развитію общестственности,—рѣшилъ ослабить силу рода и ввести принципы общественного пользованія землей. Съ другой стороны, дѣятели такъ называемой Степной Комиссіи, работавшей въ 60-хъ годахъ, въ дѣлахъ органическаго сліянія Средне-Азиатской окраины съ имперіей высказались за такую организацію мѣстнаго управленія, которая болѣе всего подходила бы къ организаціи существующей въ Европейской Россіи. Результатомъ работъ Степной Комиссіи явился въ 1867 г. проектъ управленія Сырь-Дарьинской и Семирѣченской областей, который въ отношеніи управленія киргизами въ существенныхъ чертахъ перешелъ въ 1886 г. въ положеніе объ управленіи Туркестанскаго края, а въ 1891 г. въ Степное Положеніе. Здѣсь не мѣсто разбирать отличія какъ этихъ послѣднихъ двухъ положеній между собою, такъ и отличій ихъ отъ проектовъ 1867 и 1868 г.г. Повторяю, по существу они тождественны: въ отношеніи управленія проводится принципъ самоуправления съ выборными аульными старшинами, волостными управителями и народными судьями, причемъ выборы первыхъ—прямые, а выборы управителей и судей—двухстепенные. Въ отношеніи землепользованія и Туркестанское и Степное положенія устанавливаютъ принципъ общественнаго пользованія, дѣлятъ всѣ земли на лѣтнія и зимнія кочевья и на пахотныя угодья, предоставляя расpredѣленіе земли между аульными обществами производить съѣздомъ волостныхъ выборныхъ, а между отдѣльными кибитко-владельцами—аульнымъ сходомъ. Устанавливая принципъ общественнаго пользованія, Степное Положеніе въ законодательныхъ мотивахъ, да и въ самомъ законѣ проводитъ мысль о волости какъ земельной общинѣ. Эта мысль ярко проведена въ ст. 126 Степного Положенія, на основаніи которой съѣзду волостныхъ выборныхъ предоставлено рѣшать вопросъ о сдачѣ въ аренду земель изъ числа зимовыхъ стойбищъ русскимъ людямъ для земледѣлія и промышленности. А въ законодательныхъ мотивахъ прямо говорится о волости какъ земельной общинѣ и проводится мысль, что, съ паденіемъ рода, его мѣсто заняла общественно-хозяйственная единица—волость.

То построеніе, которое создано существующими законоположеніями, имѣетъ одинъ весьма существенный недостатокъ, благодаря

которому является совершенно безжизненным и весь законъ. Недостатокъ этотъ заключается въ томъ, что въ основу закона положены чисто кабинетныя соображенія и рекогносцировочное изслѣдованіе киргизской степи. Правда, составители Туркестанскаго и Степного положеній могутъ сказать, что они уже опирались на опытъ управленія краемъ и на данныя, доставленныя администраціей, но это соображеніе никоимъ образомъ не можетъ оправдывать составителей закона, такъ какъ администрація, во-первыхъ, не занималась специальнымъ изученіемъ киргизской жизни, а во-вторыхъ, въ составъ ея не было лицъ, которыя могли бы шире взглянуть на жизнь и указать на противорѣчіе между закономъ и жизнью. Въ мотивахъ къ Степному Положенію приведено лишь одно мнѣніе челоѣка, который подмѣтилъ это противорѣчіе и указывалъ на выходъ изъ него, но мнѣніе этого уѣзднаго начальника потонуло въ ворохѣ заявленій о сохраненіи существующаго въ законѣ положенія.

Только труды Степной экспедиціи Щербины подняли, наконецъ, завѣсу и указали, что весь рѣшительно строй законодательныхъ постановленій нуждается въ радикальномъ измѣненіи. Они, эти труды, показали, что жизнь киргизъ, условія землепользованія сложились и складываются своимъ путемъ, почти внѣ всякаго вліянія закона. Они же показали, что патріархальный строй киргизской жизни сохранился лишь во многихъ пережиткахъ старины и что среди киргизъ не только въ настоящее время, но и гораздо раньше, образовались классы. Уже одно существованіе „бѣлой“ и „черной“ кости указываетъ на дифференціацію среди киргизъ. Бѣлая кость еще въ старину захватила въ свои руки политическую власть надъ киргизами и дѣло держится за нее. Туркестанское и Степное положенія только придали этой бѣлой кости большее значеніе и помогли ей болѣе подчинить себѣ киргизскую массу. Главною опорой для бѣлой кости въ порабощеніи рядовой киргизской массы является владѣніе землею. Фактически киргизы бѣлой кости суть обладатели земли, а рядовая киргизская масса—держатели этой земли, зависимые отъ бѣлой кости. Особенно это болѣе рельефно выражено въ Туркестанѣ, гдѣ земледѣліе нуждается въ искусственномъ орошеніи. Представители бѣлой кости, сначала какъ вліятельные родовичи, потомъ, во времена Кокандскаго владычества, какъ „датки“, правители той или иной части киргизской степи, опи-

раясь на свою власть, при помощи народа провели оросительные каналы, а затѣмъ, по духу мусульманскаго права, стали владѣтелями не только этихъ каналовъ, но и земли, орошаемой ими.

Къ сожалѣнію, вопросъ о правѣ на землю съ точки зрѣнія захвата земли бѣлой костью и богатыми киргизами совершенно не разработанъ, а потому мнѣ приходится ограничиться лишь этими бѣлыми замѣчаніями.

Но жизнь киргизская указываетъ и на протесты рядовыхъ киргизъ противъ захватовъ земли бѣлой костью. Приведу въ этомъ отношеніи весьма интересный разсказъ крестьянина сел. Герасимовскаго Лепсинскаго уѣзда Семирѣченской области, причемъ позволю себѣ передать этотъ разсказъ словами крестьянина, какъ онъ запечатлѣлся въ моей памяти.

„Арендвали мы землю у султана Конура. Платили хлѣбомъ. То самъ Конуръ пріѣдетъ, то пришлетъ кого-нибудь изъ своихъ киргизъ, а мы платимъ, а потомъ счеты сводимъ. Какъ раньше арендовали, такъ сняли и еще на три года, но только не могли ни пахать ни косить. Пришли другіе киргизы, не Конуркины, зашли быдто японецъ, окружили землю юртами своими и говорятъ: „наша это земля, а не Конуркина, а ежели хотите пахать и косить—платите намъ за нее, а не Конуркѣ“. Мы къ Конуру, а онъ насъ успокаиваетъ. „Ничего, говорить, я судиться съ ними буду и судъ мнѣ присудитъ, тогда я васъ убогаторю“. Одначе не Конуркины киргизы задумали тѣсноту завести. Взяли и посадили на спорную землю двухъ стариковъ (такъ вовсе никудашныхъ), посадили и кормятъ. „Вы, говорятъ, сидите, а мы васъ кормить будемъ, а какъ заведется у насъ съ мужиками драка, такъ васъ первыхъ убьютъ либо мужики, либо мы“. Хотѣли они такимъ убійствомъ слѣдствіе вызвать. Ну, мы въ драку не лѣзли. Помнимъ, что Конуръ насъ убогаторитъ общалъ. А когда сами ѣдемъ мимо спорной земли, то тѣмъ старикамъ калачъ завеземъ, либо еще что: „нате, молъ, ѣшьте, можетъ быть завтра васъ убьютъ“. Такъ и тинется это дѣло, а чѣмъ кончится—кто его знаетъ“.

Этотъ разсказъ указываетъ на одинъ изъ актовъ той челоѣческой траги-комедіи, которая происходитъ среди киргизъ. Султана Конуръ, какъ представитель бѣлой кости, захватилъ въ свое владѣніе земли, частью которыхъ самъ пользуется съ подчиненными ему киргизами, находящимися у него чуть не въ положеніи

крѣпостныхъ. Киргизы же, болѣе свободные отъ такого положенія, рѣшили вступить съ Конуромъ въ борьбу изъ-за земли, на которую они предъявляютъ свои права. На чемъ основаны эти права, я не знаю, да это въ настоящий моментъ и не важно. Но, вступивъ въ борьбу съ Конуромъ, они знаютъ, что легальнымъ путемъ, путемъ предъявленія иска къ народному суду, они не получаютъ удовлетворенія. Народные судьи вѣдь избраны подъ давленіемъ либо того же Конура, либо другихъ киргизъ одного класса съ Конуромъ, а потому по суду выиграетъ дѣло Конуръ. — Киргизамъ, вступившимъ въ борьбу съ Конуромъ, важно вмѣшаться въ дѣло русскую власть, при содѣйствіи которой они надѣются добиться справедливаго распредѣленія земли. А чтобы русская власть могла вмѣшаться въ это дѣло, путь одинъ — уголовное преступленіе. Вотъ для чего понадобились эти „никудышные“ старики, которыхъ кормятъ и киргизы и русскіе. И крестьяне понимаютъ, что уголовное дѣло можетъ вызвать разслѣдованіе земельного вопроса, что для нихъ, крестьянъ, не интересно. Для нихъ важнѣе поддержать Конура, такъ какъ вѣдь онъ имъ сдалъ землю въ аренду, онъ же сдать и на новый срокъ. Поэтому крестьяне такъ добродушно относятся къ этимъ „никудышнымъ“ старикамъ.

Вотъ когда поймешь смыслъ совершающейся драмы, то невольно задаешь вопросъ, какъ распутать это запутанное и жизнью и нашимъ законодательствомъ дѣло, и приходишь къ заключенію, о необходимости подробнаго изслѣдованія земельного быта киргизъ и затѣмъ полнаго переустройства его, ставя въ основу удовлетвореніе земельныхъ нуждъ всѣхъ тѣхъ, для которыхъ это вопросъ жизни и смерти и которые личнымъ трудомъ могли бы обрабатывать землю.

Факты захвата земли бѣлою костью у киргизъ-кайсаковъ, существующіе въ настоящее время, еще болѣе рѣзче выражены у кара-киргизъ, занимающихъ центральную часть Тянь-Шаня (уѣзды Пржевальскій и Пишпекскій Семирѣченской области и часть уѣздовъ Аулиеатинскаго Сыръ-Дарьинской области и Ошскаго и Андижанскаго Ферганскаго).

Представители бѣлой кости называются у кара-киргизъ манапами. Хотя еще очень слабо изучено манапство, тѣмъ не менѣе можно сказать, что это явленіе напоминаетъ феодализмъ.

Всѣ кара-киргизы дѣлятся на большія племенные группы: Са-

рыбагизъ, Богу, Солту и Саякъ. Во главѣ этихъ племенъ стоятъ манапы, власть которыхъ надъ всѣмъ племенемъ наследственная. Каждое племя распадается на болѣе мелкія группы также съ манапомъ во главѣ. Нѣкоторые изъ такихъ мелкихъ группъ соединяются въ большіе союзы также съ манапомъ во главѣ. Таковы, напримѣръ, Тынаевцы, часть Сарыбагизей, и Болюкпаевцы, часть племени Солту. Въ прежнее время каждая племенная группа объединялась подъ своимъ знаменемъ и имѣла свой воинственный кличъ (У Тынаевцевъ такимъ кличемъ было слово „Тынай“).

Эта схема указываетъ, что главные манапы были вожди племенъ, объединявшіе все племя для войны и набѣговъ. Это были князья, у которыхъ были свои вассалы въ лицѣ мелкихъ манаповъ. Во власти послѣднихъ находился весь народъ, который носитъ названіе „букара“, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ слово въ слово „вотъ чернь“. Взаимныя отношенія между манапами и букарой вполне напоминаютъ отношенія между помещикомъ и его крѣпостными, съ тою только весьма существенною разницей, что букара имѣла право переходить отъ одного манапа къ другому. Манапъ обязанъ былъ защищать подданныхъ ему киргизъ. Неисполненіе имъ этой обязанности было главною причиною перехода киргизъ отъ одного манапа къ другому. Обязанностью манапа защищать свою букару вызывала и другую обязанность — помогать букарѣ. До настоящаго времени сохранились, напримѣръ, такія обязательства манаповъ къ букарѣ. Сарыбагизскій манапъ Шабданъ всегда долженъ кому-нибудь одну лошадь. Это обязательство онъ постоянно исполняетъ, но очень просто. Чтобы дать лошадь, онъ приказываетъ первому встрѣчному киргизу изъ племени Сарыбагизъ слѣзть съ лошади и отдать ее просящему. За уплатой долга одному тотчасъ же возникаетъ новое обязательство передъ другимъ, которое удовлетворяется точно такимъ же образомъ. Манапы не имѣютъ своей собственности, но распоряжаются собственностью своей букары вполне свободно. Но кромѣ того, что манапы постоянно обираютъ букару, такъ сказать, по мелочамъ, они облагаютъ ее и постояннымъ опредѣленнымъ налогомъ деньгами или зерномъ или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Съ присоединеніемъ кара-киргизъ къ Россіи кончился героическій періодъ жизни этого народа съ набѣгами на сосѣдей, съ междуусобными войнами, лютыми сѣчами и угономъ скота. Условія

мирной жизни, казалось-бы, должны были вывести народ на путь прогрессивнаго развитія. Съ вѣдшей стороны это дѣйствительно такъ. Киргизы увеличиваютъ свое земледѣльческое хозяйство, съ каждымъ годомъ большее ихъ число осѣдаетъ на землю. Но за этою казовою стороною стоитъ все то же манапство, приспособившееся къ новымъ условіямъ. Прежній „батырь“ (витязь, богатырь) довольствовавшійся малымъ, ведшій суровую жизнь воина, дававшій народу возможность барантой скота у сосѣдей покрывать тѣ дани, которыя взималъ онъ, батырь,—нынѣ, если можно такъ выразиться, сталъ „обуржуазиваться“. Манапы прекрасно поняли, что „булату“, при помощи котораго они могли „все взять“, теперь суждено ржавѣть въ ножнахъ и что его мѣсто должно занять „злато“, могущее „все купить“. Стремленіе къ наживѣ—вотъ новый лозунгъ манаповъ. Манапы стараго закала, живущіе въ горныхъ тѣснинахъ, это стремленіе къ наживѣ удовлетворяютъ довольно простымъ способомъ. „Манапъ, который думаетъ о себѣ, хорошо живетъ“, говорилъ мнѣ одинъ киргизъ и при этомъ рассказалъ про одного манапа, который богатѣетъ посредствомъ ночныхъ кражъ скота. Болѣе современные манапы, живущіе въ долинахъ близко отъ городовъ и селеній, въ долинахъ, гдѣ уже начинается ростъ товарное обращеніе, созидаютъ свое богатство на земельной спекуляціи. Такъ одинъ манапъ помогъ г. Пишпеку арендовать на 12 лѣтъ 750 дес. за плату по 20 коп. дес. въ годъ. За эту услугу онъ взялъ съ горожанъ 2000 руб. Теперь же, когда приближается срокъ окончанія аренды, и когда горожане, построившіе дома и заведшіе сады на арендованной землѣ, заинтересованы въ продолженіи аренды, тотъ же манапъ за возобновленіе приговора о сдачѣ земли на новый срокъ на прежнихъ же условіяхъ проситъ 4000 р. Сдача земли въ аренду русскимъ крестьянамъ сдѣлалась одною изъ доходныхъ статей для манаповъ. Считая себя распорядителями земли, они, сдавая землю въ аренду, не считаются съ интересами букары. Послѣдняя или лишается своихъ пашень или же, что случается чаще, лишается воды для орошенія своихъ полей, вслѣдствіе того, что вода направляется на пашни манаповъ или арендаторовъ-крестьянъ.

До какихъ размѣровъ доходитъ эксплуатація населенія манапами, можетъ служить яркою иллюстраціе слѣдующій фактъ. Сарыбагшійскій манапъ Шабданъ года три-четыре тому назадъ

ѣздилъ въ Мекку, гдѣ поражалъ всѣхъ своею щедростію на занятія на поѣздку деньги. По возвращеніи домой онъ всѣ свои затраты для уплаты долга собралъ съ народа. По словамъ киргизъ, этотъ сборъ достигалъ суммы въ 12.000—15.000 рублей.

Гнетъ манаповъ, ихъ самовластіе и эксплуатація населенія являются главнѣйшимъ тормозомъ развитія производительной дѣятельности букары, которая въ настоящее время не можетъ считать себя и свой трудъ гарантированными отъ произвола манаповъ.

И букара стремится освободиться изъ подъ ига манаповъ, но ея первые шаги, вслѣдствіе, съ одной стороны, неорганизованности, а съ другой стороны, безъ поддержки—не имѣютъ успѣха. Букара сознаетъ, что главнѣйшимъ путемъ освобожденія отъ манаповъ является разрѣшеніе земельного вопроса. Она желаетъ такого строя, при которомъ манапы не могли бы распоряжаться землею.

Не такъ давно было возникло на этой почвѣ движеніе, но оно было подавлено манапами въ самомъ корнѣ.

Киргизы, узнавъ, что военный губернаторъ Семирѣченской области въ своихъ хлопотахъ объ увеличеніи Семирѣченскаго казачьяго войска высказался за перечисленіе въ казаки желающихъ киргизъ, рѣшили, что это одинъ изъ надежнѣйшихъ путей освобожденія отъ ига манаповъ, такъ какъ, получивъ въ качествѣ казаковъ по 30 дес. на мужскую душу земли, они сами будутъ распоряжаться землею, и произволъ манаповъ не будетъ допущенъ. Сто пятьдесятъ кибитокъ выбрали двухъ довѣренныхъ, Таштанова и Кыдырова, которые отъ имени своихъ довѣрителей и подали прошеніе о ихъ перечисленіи въ казаки. Послѣ этого на первомъ же чрезвычайномъ съѣздѣ народныхъ судей противъ Таштанова и Кыдырова было предъявлено ложное обвиненіе въ кражѣ. Ложными свидѣтелями обвиненіе было доказано и, не подлежащимъ апелляціи, рѣшеніемъ съѣзда оба эти киргизы были присуждены къ 12 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и къ уплатѣ штрафа. Этимъ манапы пресѣкли дальнѣйшее движеніе киргизъ въ казаки.

Въ настоящее время существуетъ небольшое киргизское селеніе, образованное администраціей. Юридически селеніе не упрощено, а фактически оно имѣетъ землю, которою само и распоряжается. Всѣ окрестные киргизы указываютъ на это селеніе, какъ на желательное для нихъ явленіе. Но судьба Таштанова и Кы-

дырова мѣшаетъ имъ активно добиваться прочнаго земельного устройства. Они говорятъ, что сообщили бы подробный списокъ всѣхъ тѣхъ киргизъ, которые желаютъ перейти въ число киргизъ-крестьянъ (такъ называются жители осѣдлаго киргизскаго селенія), но боятся, что про этотъ списокъ *узнаетъ уѣздный начальникъ и скажетъ о томъ манапамъ, а манапы ихъ засудятъ*. Опасеніе ихъ, конечно, весьма основательно, такъ какъ и административная и судебная власть въ рукахъ манаповъ, которые настолько сильны, что, по представленію киргизъ, даже уѣздный начальникъ является чуть не въ роли докладчика у манаповъ.

Такимъ образомъ, жизнь указываетъ, что, какъ среди киргизъ кайсаковъ, такъ и среди кара-киргизъ, земельныя богатства находятся въ рукахъ бѣлой кости: султановъ и манаповъ, что среди рядовой киргизской массы существуетъ стремленіе сбросить съ себя иго бѣлой кости, но стремленіе это пока выражается въ единичныхъ фактахъ и, не встрѣчая нигдѣ и ни въ чемъ поддержки, гложетъ и подавляется всемогущею бѣлой костью, захватившей въ свои руки политическую власть надъ народомъ.

VI.

Приведенные выше факты говорятъ, что при разрѣшеніи переселенческаго вопроса въ Семирѣченской области даже по отношенію къ тѣмъ крестьянамъ, которые уже прибыли въ область, но землевладѣніе которыхъ еще не обезпечено, единственно возможнымъ является отводъ для нихъ земель изъ числа нынѣ не орошенныхъ и ни коимъ образомъ не могутъ быть даны имъ земли на той территоріи, которая уже занята мѣстнымъ населеніемъ. Однако, если бы мы имѣли дѣло со страной, въ которой наличное населеніе, ведя земледѣльческое хозяйство, занимало бы извѣстную часть территоріи, а другая часть которой была бы вполне свободна, то вопросъ объ устройствѣ переселенцевъ зависѣлъ бы исключительно отъ наличности свободной необходимой для орошенія воды. Но въ Семирѣченской области, какъ и во всемъ киргизскомъ краѣ, мы имѣемъ дѣло съ населеніемъ, которое пользуется всею территоріею, ведя на значительной части ея кочевое скотоводческое хозяйство.

Поэтому отводъ земли для переселенцевъ внѣ территоріи, за-

нятой земледѣльческимъ населеніемъ, требуетъ разрѣшенія вопроса о возможности изыятія земель изъ пользованія кочевниковъ. Правда, послѣдніе, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ приведенные мною выше факты, переживаютъ переходъ отъ кочевого скотоводческаго хозяйства къ осѣдлому земледѣльческому и, слѣдовательно, вслѣдствіе этого процесса, постепенно сокращая размѣры кочеваній, освобождаютъ часть территоріи, но и при такомъ положеніи мы стоимъ передъ огромнымъ неизвѣстнымъ, такъ какъ не можемъ вполне опредѣленно сказать—гдѣ, въ какомъ количествѣ и почему именно можно изыять изъ пользованія киргизъ землю для крестьянъ-переселенцевъ.

Но и послѣ выясненія возможности изыятія земель изъ пользованія кочевниковъ киргизъ необходимы изслѣдованія о возможности орошенія тѣхъ земельныхъ пространствъ, которыя по почвеннымъ условіямъ пригодны для земледѣльческой культуры.

Такимъ образомъ, для разрѣшенія только одного переселенческаго вопроса и прежде всего для разрѣшенія вопроса объ устройствѣ наличнаго числа крестьянъ-переселенцевъ нужны статистическо-хозяйственныя и гидротехническія изслѣдованія.

Но вѣдь мѣстной жизнью выдвигается на очередь не одинъ только переселенческій вопросъ? Вѣдь послѣдній играетъ роль своего рода ключа, которымъ открывается запертая до настоящаго времени дверь къ запросамъ чисто мѣстнаго характера, а потому и не слѣдовало ли бы рѣшеніе переселенческаго или, вѣрнѣе, колонизаціоннаго вопроса связать съ рѣшеніемъ земельныхъ запросовъ, предъявляемыхъ мѣстнымъ населеніемъ?

Въ ряду же запросовъ мѣстной жизни первое мѣсто занимаетъ вопросъ о созданіи такого строя, при которомъ осѣдающій и осѣвшій киргизъ былъ бы обезпеченъ въ своихъ правахъ на землю и могъ бы вести свое хозяйство, не будучи зависимымъ ни отъ манапства, этого сильнаго еще пережитка кара-киргизскаго феодализма, ни отъ султановъ, ни отъ какихъ-нибудь другихъ общественныхъ классовъ, созданныхъ дифференціаціей киргизской жизни.

Рядомъ съ запросами, выдвигаемыми киргизской жизнью, стоятъ и запросы такихъ группъ населенія—какъ дунгане и таранчинцы, которые, какъ сказано было раньше, не могутъ увеличить количество скота за недостаткомъ для этого земель.

Все наличное население Семирѣченской области можно раздѣлить на двѣ категоріи: въ одну нужно включить не устроенныхъ крестьянъ-переселенцевъ, зависящихъ отъ манаповъ и султановъ рядовыхъ киргизъ и обездоленныхъ въ земельномъ надѣлѣ дунганъ и таранчинцевъ, а въ другую категорію—крестьянъ-старожилонъ, казаковъ Семирѣченскаго войска и киргизскую аристократію, манаповъ и султановъ.

Первая группа настойчиво требуетъ себѣ земли и правъ, обеспечивающихъ ихъ землепользованіе, а вторая группа несомнѣнно желаетъ сохранить за собою существующій порядокъ. Впрочемъ изъ этой второй группы слѣдуетъ выдѣлить крестьянъ-старожилонъ, которые въ массѣ своей должны представлять середину или, вѣрнѣе сказать, тотъ базисъ, на который должны опираться планы желательнаго при современныхъ конъюнктуральныхъ условіяхъ земельного строя: цифры, вѣдь, показываютъ, что эта центральная группа населенія наиболѣе рационально пользуется землею и обладаетъ ею въ такомъ количествѣ, какое позволяетъ вести ей и земледѣльческое и скотоводческое хозяйство. Что эта группа олицетворяетъ въ себѣ наиболѣе рациональныхъ въ настоящее время хозяйствъ, показываютъ цифры о хозяйствѣ Аламединскихъ киргизъ.

Если въ виду вышесказаннаго не выдѣлять заботы о крестьянахъ-переселенцахъ, а разрѣшать вопросъ о ихъ устройствѣ параллельно разрѣшенію вопроса объ устройствѣ остальныхъ требующихъ этого группъ населенія, то тогда мы будемъ имѣть передъ собою одинъ мѣстный аграрный вопросъ, который и долженъ быть разрѣшенъ и при томъ такъ, чтобы за удовлетвореніемъ земельныхъ нуждъ мѣстнаго земледѣльческаго населенія открывалась бы возможность дальнѣйшей колонизаціи края.

Земельныя богатства Семирѣченской области еще не изучены въ достаточной мѣрѣ, еще неизвѣстно, до какихъ предѣловъ могутъ быть использованы въ цѣляхъ орошенія открытые и скрытые водные запасы края, еще не указанъ предѣлъ возможности интенсивныхъ культуръ (виноградарство, садоводство и пр.) въ связи съ общими экономическими условіями, а потому еще и нельзя сказать, положенъ ли предѣлъ населенности края, или же колонизаціонная емкость его еще велика и не исчерпана. Если принять во вниманіе все это, а также и выдвинутые современною жизнью запросы, то не слѣдуетъ ли прямо идти къ разрѣшенію всѣхъ мѣстныхъ

запросовъ, а не къ разрѣшенію только одного вопроса: какъ бы устроить наличныхъ переселенцевъ и приготовить возможно больше участковъ для будущихъ переселенческихъ волнъ.

Становясь на точку зрѣнія разрѣшенія общаго мѣстнаго аграрнаго вопроса, мы и должны направить усилія къ тому, чтобы тѣ изслѣдованія, которыя нужны для разрѣшенія переселенческаго вопроса, обслуживали бы общія пужды. Тогда мы неминуемо придемъ къ заключенію, что всѣ тѣ земли, которыя въ настоящее время и, при возможномъ предвидѣніи, въ будущемъ являются пригодными для земледѣльческой культуры, должны быть использованы въ цѣляхъ этой отрасли сельскаго хозяйства, причемъ въ интересахъ общаго народнаго хозяйства совершенно безразлично кто будетъ хозяйничать на землѣ: переселившійся ли изъ Воронежской губерніи крестьянинъ, мѣстный ли киргизъ, или же представитель какой другой національной группы изъ числа множества ихъ, населяющихъ государство Россійское.

На переселеніе крестьянъ нельзя смотрѣть только какъ на переселеніе. Наоборотъ, это явленіе народной жизни надо разсматривать, какъ факторъ колонизаціи слабо населенныхъ и слабо еще использованныхъ для цѣлей народнаго хозяйства окраинъ. А разъ такъ, то нельзя игнорировать запросы этихъ окраинъ. Надо брать совокупность всѣхъ факторовъ мѣстной жизни и на основаніи ихъ созидать такой порядокъ жизни, при которомъ получали бы удовлетвореніе и запросы мѣстнаго населенія и являлась бы возможность дальнѣйшаго заселенія окраинъ.

Казалось бы, что съ этой точки зрѣнія необходимо привести въ извѣстность весь тотъ земельный фондъ, который возможно пригоденъ для земледѣлія, посредствомъ орошенія и другихъ меліораций привести его изъ возможно пригоднаго въ дѣйствительно пригодный для земледѣльческой культуры и затѣмъ предоставить его мѣстному и пришлому населенію въ пользованіе, ограничивъ размѣры пользованія каждой хозяйственной единицы трудовыми нормами и, не предоставляя этимъ единицамъ правъ собственности на землю, а сохранивъ это право за государствомъ или, вѣрнѣе, за всѣмъ народомъ, путемъ вынужденной изъ земли ренты предупредить всякую возможность концентраціи земли въ рукахъ лицъ, которыя только будутъ эксплуатировать землю чужими руками. Пусть ни человекъ къ землѣ, ни земля къ человеку не будутъ

прикреплены, пусть свободный человек прилагает свой свободный трудъ къ свободной землѣ—вотъ общій принципъ, долженствующій лечь въ основу мѣстной земельной реформы въ цѣляхъ какъ распредѣленія на территории земли наличнаго населенія, такъ и населенія, которое будетъ постоянно приливать изъ болѣе густо населенныхъ мѣстностей въ качествѣ колонизаціоннаго элемента.

Рента, которая должна быть вынута изъ земли и не должна быть въ рукахъ каждаго отдѣльнаго хозяина, а въ рукахъ общественныхъ демократически организованныхъ учреждений, не можетъ быть одинаковой. Она должна быть измѣнчивой во времени и пространствѣ, вслѣдствіе чего она, съ одной стороны, дастъ средства на осуществленіе тѣхъ меліораций, которыя необходимы для увеличенія площади, пригодной для земледѣлія, а съ другой стороны, явится однимъ изъ факторовъ, которые должны будутъ побуждать каждаго хозяина держать въ своихъ рукахъ столько земли, сколько онъ можетъ производительно эксплуатировать при данныхъ условіяхъ современнаго хозяйства. Другимъ факторомъ такого строя будутъ тѣ агрономическія и обще-культурныя мѣропріятія, которыя поведутъ населеніе по пути растущей интенсификаціи хозяйства.

Пусть, допустимъ, при современныхъ условіяхъ за взносъ ренты кочевникъ-скотоводъ займетъ большую территорию какъ земель, только пригодныхъ для скотоводства, такъ и земель, пригодныхъ для земледѣлія. Различный размѣръ ренты на эти двѣ категоріи земель заставитъ его или освободить всецѣло для земледѣльцевъ пригодную для нихъ землю, или самому заняться земледѣліемъ на части этой территории, сосредоточивъ свое кочевое скотоводческое хозяйство лишь тамъ, гдѣ послѣднее можетъ вестись выгодно.

Предѣлъ сельско-хозяйственному и культурному прогрессу не положенъ и въ настоящее время невозможно сказать что-либо определенное о тѣхъ формахъ хозяйства и тѣхъ культурахъ, которыя возможны въ будущемъ. Но несомнѣнно, что и формы хозяйства и различные сельско-хозяйственныя культуры будутъ лучше создаваться и пынѣе расцвѣтать, когда болѣйшій просторъ получить человѣческая инициатива, постоянно получающая при этомъ въ свое производительное пользованіе всѣ тѣ знанія, которыя накоплены человѣчествомъ и которыя нынѣ составляютъ монополію

меньшинства, а отъ большинства скрыты за тяжелыми дверями съ желѣзными засовами.

Человѣческая инициатива, одухотворяемая знаніемъ, тѣмъ пынѣе развернется, чѣмъ менѣе будетъ она стѣснена. Въ отношеніи же эксплуатаціи земли просторъ этотъ явится только тогда, когда, повторю, свободный человекъ будетъ прилагать свободный свой трудъ къ свободной землѣ и когда общественная организація будетъ располагать средствами для тѣхъ мѣропріятій, которыя не подѣ силу единичнымъ личностямъ и которыя необходимы къ развитію производительныхъ силъ, являясь въ то же время проявленіемъ той же человѣческой инициативы.

А растущая интенсификація хозяйства въ связи съ ростомъ вынимаемой изъ земли на общія нужды ренты постоянно будутъ служить факторами, побуждающими населеніе уменьшать свою трудовую норму, уменьшать размѣры своего землевладѣнія и тѣмъ открывать возможность для новыхъ лицъ садиться на землю и вести на ней свою хозяйственную дѣятельность.

Вотъ къ какимъ заключеніямъ приводитъ знакомство съ окраиной и съ тѣми запросами, которые выдвинуты ею. Но мы видимъ, что это—запросы общіе для всѣхъ странъ, и въ частности для всей Россіи. Выводъ же отсюда одинъ. Нѣтъ переселенческаго вопроса, какъ мѣры, разрѣшающей аграрный вопросъ въ Европейской Россіи, а есть одинъ общій аграрный вопросъ, въ той или иной степени остро ощущаемый на всей территории государства, и разрѣшить его можно по одному и тому же плану,—который мною слегка набросанъ выше.

Быль бы одинъ только переселенческій вопросъ, если бы рядомъ съ Европейской Россіей, въ которой аграрный вопросъ обострился до крайней степени, мы бы имѣли свободныя нѣкѣмъ занятія земельныя пространства. Но этого нѣтъ. Переселенческія волны направляются въ страны, гдѣ есть свое населеніе, правда рѣдкое, но имѣющее свои земельные запросы, свои нужды. Игнорировать ихъ мы не имѣемъ никакого права, а потому и не можемъ гнать въ эти страны переселенческія волны, не задумываясь, къ чему приведетъ такая политика на окраинахъ.

Надо смотрѣть жизни и будущему прямо въ глаза и, стремясь „по хорошему“ устроить жизнь „простого не ученаго человека“, видѣть ту бездну человѣческаго благополучія, которая можетъ

явиться на землѣ, если мы смѣло и безъ всякаго сожалѣнія откажемся отъ вѣками вкоренившихся понятій о частной собственности на землю и связанныхъ съ этимъ классовыхъ привиллегій. На бѣломъ свѣтѣ есть только человѣческая личность, благо которой должно быть для всѣхъ дорого, и ученые люди, созидая формы общественнаго строя, должны имѣть въ виду только интересы этой личности, а не интересы какихъ-либо классовъ или отдѣльныхъ человѣческихъ группъ. „Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы“—это сказано очень давно, но по сю пору остается не осуществленнымъ. Не пора ли, наконецъ, осуществить этотъ великій завѣтъ и осуществить его въ полной мѣрѣ?

Ор. Шкапскій.

Киргизскій вопросъ въ связи съ колонизаціей степи.

Общій ходъ событій во внутренней жизни русскаго государства нашелъ откликъ и въ киргизской степи. Киргизскій вопросъ, неразрывно связанный въ послѣдніе полтора десятка лѣтъ съ переселенческимъ, въ данный моментъ дебатруется въ заинтересованныхъ сферахъ съ наибольшей страстностью, но едва ли съ большой долей основательности.

Въ публикѣ не только отсутствуетъ знакомство съ настоящимъ состояніемъ киргизскаго народа и его социальной и хозяйственной жизнью, но нѣтъ даже правильнаго представленія о его численности и размѣрахъ занимаемой территоріи, не говоря о ея качествахъ. Это помогаетъ появленію и распространенію фантастическихъ плановъ о предварительномъ, напримѣръ, межеваніи всей территоріи, о землеустройствѣ киргизъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ хозяйственной культуры, утвержденіямъ о малоземельѣ и безземельѣ сотенъ тысячъ, едва не миллионовъ душъ и о достаточной подготовкѣ ихъ ко всякимъ переворотамъ по социаль-демократической и социаль-революціонной программамъ.

Киргизская интеллигенція, выступающая на страницахъ газетъ*), ограничивается общими мѣстами противъ бюрократическаго режима, односторонней критикой землеотводныхъ работъ для переселенцевъ и основы ихъ—изслѣдованія степи экспедиціей Мин. Земл. и Гос. Им. подъ завѣдываніемъ г. Щербины, и повторяетъ всѣ тѣ доводы противъ колонизаціи до нелѣпостей о безземельѣ и грядущемъ вымирانіи киргизскаго народа, которые выставлялись въ свое время съ тою же цѣлью представителями мѣстной бюрократіи.

Требованія киргизъ, предъявленные въ петиціяхъ представителямъ разныхъ областей, идутъ по двумъ направленіямъ. Болѣе

*) Сейдалинь, наприм. въ „Руси“ и „Рѣчи“.

На рубежѣ переселенческаго дѣла.

I.

Современное переселеніе крестьянъ въ Азіатскую Россію представляетъ продолженіе того процесса народной жизни, который раньше проявлялся въ переселеніяхъ въ Слободскую Украину, Новоросію, Башкирію и на Сѣверный Кавказъ. Это должно бы было опредѣлять направленіе переселенческой политики. Между тѣмъ русское правительство въ пореформенное время смотрѣло на переселеніе недоброжелательно и запрещеніями и другими тормозами старалось приостановить его. Однако всѣ такія мѣропріятія не приводили къ желательному для правительства результату. Крестьяне шли за Уралъ, не спрашивая, дозволено ли это имъ, и селились тамъ, гдѣ имъ это нравилось. Жизнь заставила правительственную власть не только примириться съ фактомъ, но и вмѣшаться въ дѣло въ цѣляхъ урегулированія водворенія переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Постройка Сибирской желѣзной дороги явилась однимъ изъ крупныхъ факторовъ, побудившихъ правительство перейти къ болѣе активной политикѣ и приступить къ организаціи отвода земель для переселенцевъ, а также къ содѣйствію имъ при водвореніи. Аграрныя волненія 1902 г. въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ повлекли за собою переходъ къ такой политикѣ, которая поставила своей задачей регулировать переселеніе изъ мѣстностей, гдѣ избытокъ крестьянскаго населенія и растущее малоземелье представлялись грозными для спокойствія землевладѣческаго класса. Законъ 6 Іюня 1904 г., формулируя эту политику, рядомъ съ указанной задачей поставилъ и другую—колонизацію малонаселенныхъ окраинъ.

Первая изъ этихъ задачъ, вслѣдствіе обостренія аграрнаго вопроса въ Европейской Россіи, теперь уже трактуется какъ главнѣйшая, долженствующая оградить интересы частнаго землевладѣнія и настолько разрѣдить населеніе въ Европейской Россіи, что экономическое положеніе крестьянъ въ Европейской Россіи не будетъ служить такой угрозой частному землевладѣнію, какою служить оно теперь.

Лица, возлагающія на переселеніе такія надежды, забываютъ, однако, что переселенческое движеніе шло самостоятельно, вѣдь какой-бы то ни было зависимости отъ той или иной политики правительства, что до настоящаго времени правительственная политика нисколько не руководила переселеніемъ, а, наоборотъ, шла позади движенія. И если, такимъ образомъ, никакія мѣропріятія, за исключеніемъ лишь ультра-принудительнаго переселенія, не могутъ направить переселенческое движеніе въ желательную сторону, то въ своемъ теченіи переселеніе въ будущемъ также мало можетъ повліять на разрѣшеніе аграрнаго вопроса, какъ мало оно вліяло и до сихъ поръ. Вѣдь если за 20 лѣтъ (1885—1904 г.) переселеніе изъ 50 губерній поглотило лишь 60,6 человекъ на 1000 душъ естественнаго прироста, то едва ли въ будущемъ оно поглотитъ больше. Если ничтожная часть увеличивающагося населенія Европейской Россіи уходила въ Азіатскую Россію, преобладающая же масса этого прироста должна была тѣсниться на тѣхъ самыхъ скудныхъ надѣлахъ, отъ которыхъ бѣжали въ Азію 6,1% естественнаго прироста населенія, то несомнѣнно, что при такомъ положеніи вліяніе его на увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія было ничтожно.

Болѣе детальное разсмотрѣніе относящихся къ этому вопросу цифръ приводитъ къ еще болѣе рѣшительному выводу, что переселеніе не можетъ оказывать общаго сколько-нибудь серьезнаго вліянія на положеніе аграрнаго вопроса въ Европейской Россіи.

Если взять только тѣ губерніи, которыя за 20 лѣтъ дали свыше 10.000 душъ переселенцевъ каждая, и сопоставить данныя о числѣ переселенцевъ изъ этихъ губерній съ отношеніемъ ихъ къ естественному приросту по каждой губерніи и съ данными о размѣрѣ землевладѣнія за два періода времени, то можно видѣть наглядно, какъ тщетны надежды на цѣлительную роль переселеній. Ниже-приводимая таблица наглядно свидѣтельствуетъ это.

ГУБЕРНИИ.	Изъ 1.000 переселенц. приходится на губерніи.	На 1.000 чел. естественн. прироста переселил.	Размѣръ сред- няго надѣла на мужскую душу. (въ десят.).		На сколько умень- шился средн. на- дѣлъ.
	За время 1885—1904 г.	За время 1885—1900 г.	Въ 1880 г.	Въ 1900 г.	
Полтавская . . .	127,2	211,0	2,2	1,5	0,7
Курская	101,9	268,1	2,2	1,7	0,5
Черниговская . .	83,2	175,5	2,9	2,0	0,9
Тамбовская . . .	67,5	153,5	2,7	2,0	0,7
Воронежская . .	53,2	115,7	3,3	2,4	0,9
Орловская . . .	43,8	130,4	2,4	1,8	0,6
Харьковская . .	41,3	81,0	2,6	1,9	0,7
Самарская . . .	39,3	83,8	6,2	4,5	7,1
Могилевская . .	39,1	62,9	3,1	1,9	1,2
Вятская	38,2	80,6	6,1	4,6	1,5
Витебская . . .	37,9	92,7	3,2	2,2	1,0
Пензенская . . .	37,0	166,5	2,7	2,1	0,6
Пермская	29,0	66,5	6,1	4,7	1,4
Саратовская . .	23,4	61,1	3,5	2,6	0,9
Рязанская . . .	22,0	75,5	2,2	1,7	0,5
Екатеринославск.	20,4	20,3	3,6	2,3	1,3
Херсонская . . .	19,9	24,3	3,4	2,2	1,2
Минская	16,7	26,1	3,8	2,3	1,5
Кіевская	16,6	16,6	1,4	1,2	0,2
Тульская	16,3	93,3	2,0	1,6	0,4
Виленская . . .	14,5	37,5	2,7	1,9	0,8
Сибирская . . .	13,3	60,3	2,6	2,0	0,6
Таврическая . .	11,7	16,8	6,5	3,6	2,9
Казанская . . .	11,2	36,5	3,6	2,7	0,9
Смоленская . . .	10,2	28,8	3,5	2,5	1,0
Гродненская . .	9,2	35,6	3,1	2,2	0,9

Кажется труднѣе приискать болѣе краснорѣчивыхъ доказа-
тельствъ того, что на общее положеніе аграрнаго вопроса пере-
селеніе не оказываетъ никакого вліянія. Во всѣхъ перечислен-
ныхъ губерніяхъ переселеніе было вызвано недостаточными надѣ-
лами и тѣмъ не менѣе черезъ двадцать лѣтъ непрерывнаго оттока
части избыточнаго населенія размѣръ крестьянскаго землевладѣнія
во всѣхъ перечисленныхъ губерніяхъ понизился, при чемъ губер-
ніи съ наибольшимъ выходомъ переселенцевъ относительно пони-
женія размѣра земельного надѣла не занимаютъ исключительнаго
положенія.

Малоземелье, являясь одною изъ основныхъ причинъ переселе-
нія, не влекло за собою, однако, постоянно растущаго потока пе-
реселенцевъ изъ разныхъ губерній. Какъ вообще вся переселен-
ческая волна по годамъ шла колеблясь, то повышаясь, то пони-
жаясь, такъ и по отдѣльнымъ губерніямъ она шла такимъ же об-
разомъ. Для примѣра приведу данныя по пятилѣтіямъ для нѣ-
которыхъ губерній.

Изъ 1000 переселенцевъ приходится на губерніи:
1885—1889. 1890—1894. 1895—1899. 1900—1904.

Курская	430,2	138,6	74,6	58,0
Тамбовская . . .	88,1	136,2	62,9	26,9
Полтавская . . .	38,0	161,5	119,4	134,1
Воронежская . .	17,2	104,2	44,7	40,6
Пермская	103,4	59,0	15,4	16,6
Вятская	100,5	76,5	25,8	21,0

Изъ губерній Курской, Пермской и Вятской переселеніе шло
на убыль, а изъ остальныхъ губерній оно шло колеблясь. Оче-
видно, что, кромѣ общей причины малоземелья, на ходъ пересе-
ленческаго движенія вліяли и другіе факторы. При такомъ усло-
віи возможно ли питать надежду на то, что мѣрами правительства
переселенческое движеніе можно направить, такъ сказать, на при-
быль? Положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ нельзя дать.

Направленіе переселенческой политики, перешедшей отъ про-
тиводѣйствія переселенію къ стремленію разрѣшить аграрный во-
просъ, направленіе, ясно выраженное въ законѣ 6 Іюня 1904 г., а
нынѣ особенно выдвигаемое землевладѣльческимъ классомъ, пы-
тается руководить переселеніемъ не по тому пути, по какому это
нужно сдѣлать. А вѣдь несомнѣнно, что переселеніе, какъ явле-

ние государственной жизни, должно быть регулируемо сообразно общим государственным целям. Только в таком случае оно и может быть делом государственного строительства.

Найти исходную точку для планомерной деятельности тех органов правительственной власти, которые должны регулировать переселением, составляет неотложную задачу времени. Не отыскав этот исходный путь, правительство обречено или на несбыточные попытки разрешения переселением аграрного вопроса или на деятельность отчасти благотворительного характера—содвигать переселенцам облегчить им водворение на новых местах.

Для выяснения действительных задач правительства по отношению к переселению необходимо проанализировать некоторые стороны переселенческого дела. Мне представляется, что будет намечен путь для планомерной работы государственного строительства, если выяснить: откуда и куда идет переселенческая волна и какой результат дает это движение.

II.

Хотя мною были выше перечислены те губернии, которые дают большую массу переселенцев, но для обобщений необходима некоторая группировка их. Имевшийся же в моем распоряжении материал о местах водворения переселенцев в Азиатской России побуждает меня взять такую группировку, которая позволяла бы провести аналогию между местами выхода переселенцев и местами их поселения. Так как материал о водворении переселенцев сгруппирован по естественно-историческим районам, характеризующимся различной степенью лесистости, то и губернии с наибольшим выходом переселенцев я располагаю в три группы по различному проценту лесистости.

Первую группу составляют губернии с процентом лесистости от 1,4 до 8,5. Сюда войдут губернии: Полтавская, Харьковская, Курская, Воронежская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Тульская и Самарская. Во вторую группу войдут губернии с % лесистости от 11,9—22,4: Киевская, Черниговская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Симбирская и Саратовская. Наконец, в третью группу с процентом лесистости от 24,3—74,7 войдут губернии: Гродненская, Виленская, Витебская,

Минская, Могилевская, Смоленская, Вятская и Пермская. В эти три группы мною не включена лишь губерния Казанская только потому, что в материалах по распределению переселенцев по различным районам Азиатской России данные о числѣ переселенцев изъ Казанской губернии показаны вмѣстѣ съ переселенцами изъ Уфимской губернии.

Распределение количества переселенцев изъ перечисленных 25 губерний по тремъ выше намѣченнымъ группамъ представить слѣдующую картину.

	Пересел. I гр. (9 губерній).	Пересел. II гр. (8 губерній).	Пересел. III гр. (8 губерній).
Всего переселилось душъ	641,473	456,520	289,958
На 1000 переселен. приходится изъ данныхъ группъ.	431,2	306,8	194,8

Если принять число переселенцев изъ III группы губерний за единицу, то получится, что вторая группа губерний дает переселенцев в 1,6 разъ больше, чѣмъ третья, а первая группа в 2,2 раза больше третьей. Такимъ образомъ, первое мѣсто по размѣру переселений занимаютъ губернии съ наименьшимъ процентомъ лесистости.

Если прослѣдить по картѣ ботаническихъ областей Танфильева распределение послѣднихъ по Европейской и Азиатской России, то видно будетъ, что губернии первой группы, за исключеніемъ Тульской и сѣверной части Самарской, входят въ область черноземныхъ и каштановыхъ степей, которые далѣе на востокъ идутъ лѣтами по сѣверной части Тургайской и Акмолинской областей, въ значительной своей части расположенныхъ въ области солонцевато-глинистыхъ пустынь. Губернія, второй группы, за исключеніемъ южной половины Саратовской, занимаютъ собою область дубового предстепня какъ на черноземной полосѣ, такъ и на блѣдныхъ почвахъ. Далѣе, на востокъ въ Зауральѣ область дубового предстепня замѣняется березовымъ предстепнемъ съ черноземомъ, солонцами и болотами, которая идетъ по южной части губерній Тобольской и Томской и, кончаясь у подножья Алтая, далѣе лѣтами встрѣчается въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ и Забайкальѣ. Въ Енисейской же губерніи около Минусинска расположена солонцевато-глинистая степь.

Губернии третьей группы по картѣ Танфильева занимаютъ двѣ области. Всѣ Литовскія и Вѣлорусскія губернии и юго-западная часть Вятской входятъ въ область смѣшанныхъ лѣсовъ, а остальная часть Вятской губернии и Пермская расположены въ области тайги, распространяющейся на востокъ по всей Сибири, спускаясь на югъ, въ Алтайскій округъ.

Отмѣченное расположеніе ботаническихъ областей въ Сибири и Степныхъ областяхъ легло въ основаніе дѣленія колонизаціонныхъ районовъ на три слѣдующіе: *степной*, въ который входятъ солонцевато-глинистыя пустыни Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей съ пятнами черноземныхъ почвъ и сосновыхъ колковъ, разбросанныхъ въ сѣверной части двухъ первыхъ областей; *лѣсо-степной*, въ который входятъ южныя части Тобольской и Томской губерній, а также часть Енисейской (вся земледѣльческая полоса центральной Сибири). Наконецъ, въ третій районъ — *таежный*, входитъ вся остальная часть Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерній*). Изъ таежнаго района практика переселенческаго дѣла выдѣлила еще *лѣсисто-подтаежный*, который не занимаетъ болѣе или менѣе строго обособленной территоріи, а расположенъ среди таежнаго тамъ именно, гдѣ, вслѣдствіе естественныхъ или искусственныхъ условій, тайга значительно разрѣжена, что позволило возникнуть спорадически разбросаннымъ территоріямъ, по условіямъ нѣсколько измѣнившимся климата близко подходящимъ къ лѣсо-степи центральной Сибири.

Приведенныя выше ссылки на карту ботаническихъ областей Танфильева и аналогія между этимъ научнымъ дѣленіемъ и практикой дѣленія колонизаціонныхъ районовъ позволяютъ высказать предположеніе, что переселенцы изъ трехъ принятыхъ мною группъ губерній должны селиться именно въ тѣхъ районахъ Азиатской Россіи, которые по своимъ естественнымъ условіямъ ближе всего подходятъ къ условіямъ жизни на родинѣ.

Это предположеніе вполне подтверждается данными обследованія быта переселенцевъ, произведеннаго Переселенческимъ Управленіемъ въ Сибири и Степныхъ областяхъ. Обсѣдованіе это коснулось въ Тургайской области 15530 дворовъ, въ Акмолинской и

*) Я останавливаю вниманіе читателя только на этихъ четырехъ губерніяхъ, такъ какъ имѣющійся у меня для послѣдующаго анализа матеріалъ о переселенцахъ относится только къ этимъ губерніямъ.

Семипалатинской областяхъ—4013, въ лѣсо-степномъ районѣ Тобольской, Томской и Енисейской губерній—5630 дворовъ, въ лѣсисто-подтаежномъ районѣ этихъ же трехъ губерній—1260 дворовъ и въ таежномъ районѣ всѣхъ четырехъ губерній центральной Сибири—2809 дворовъ. Всего, такимъ образомъ, имѣются данныя о 29.242 дворахъ въ количествѣ 186.356 душъ обою пола, что по отношенію къ общему числу переселившихся въ 1.488.048 душъ составитъ 12,5%.

Соединяя переселенцевъ Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, какъ населеніе степного района, и беря изъ общей массы водворившихся выходцевъ изъ принятыхъ мною трехъ группъ губерній выхода, я получаю слѣдующую таблицу разселенія главной массы переселенцевъ по колонизаціоннымъ районамъ*).

Группы губерній выход.	На 1000 душъ переселившихся въ каждый районъ приходится:			
	Въ степномъ.	Въ лѣсо-степн.	Въ лѣсисто-подтаежн.	Въ таежномъ.
I	635,4	290,2	232,5	58,4
II	178,8	454,7	292,1	177,0
III	38,8	188,9	463,5	598,4
А всего:	853,0	933,8	988,1	833,8

Такимъ образомъ, переселенцы изъ губерній съ наименьшимъ процентомъ лѣсистости селятся въ степи, переселенцы изъ губерній съ среднимъ процентомъ лѣсистости находятъ для себя подходящимъ лѣсо-степной районъ и, наконецъ, переселенцы изъ губерній съ наивысшимъ процентомъ лѣсистости занимаютъ лѣсисто-подтаежный и таежный районы.

Замѣчается въ то же время, что переселенцы изъ первой группы губерній селятся въ тайгѣ, какъ переселенцы изъ третьей группы идутъ въ степь.

*) Прилагаемая къ настоящей статьѣ карта содержитъ въ себѣ отмѣченные факты естественно-историческихъ условій и вліяніе ихъ на переселеніе крестьянъ. На этой картѣ отмѣчена линія средней годовой температуры, равная 0° и указывающая на то, что земледѣльческая колонизація обезпечена къ югу отъ нея. Конечно, болѣе детальныя метеорологическія наблюденія внесутъ поправки въ направленіи этой линіи, но до этихъ поправокъ въ колонизаціонномъ дѣлѣ необходимо принимать во вниманіе указанный фактъ климатологіи Сибири.

Не въ томъ, однако, дѣло, что незначительная часть степняковъ заберется въ тайгу и такая же или даже меньшая часть крестьянъ изъ лѣсистыхъ губерній поселится въ степи. Важно, чтобы окружающія условія давали возможность крестьянину прочно водвориться на новыхъ мѣстахъ.

Оцѣнка съ этой точки зрѣнія переселеній представляется весьма важной и необходимо, чтобы, если не изъ года въ годъ, то хотя періодически производились бы статистическія обслѣдованія переселенческаго хозяйства, которыя освѣщали бы пройденный переселеніемъ путь и тѣмъ провѣряли бы направленіе политики государства.

Въ этомъ отношеніи интересныя и цѣнныя данныя даетъ произведенное въ 1904 г. подворное обслѣдованіе 233 переселенческихъ селеній степного края и центральной части Сибири*). Должно, однако, замѣтить, что подворное обслѣдованіе коснулось только 16,4% всѣхъ селеній, возникшихъ на переселенческихъ участкахъ, образованныхъ въ періодъ 1893—1903 годовъ. Несмотря, однако, на такое ограниченное число наблюденій, данныя эти позволяютъ сдѣлать нѣкоторые выводы, имѣющіе практическое значеніе, такъ какъ они освѣщаютъ дѣятельность правительственной власти по заготовленію переселенческихъ участковъ.

III.

Приступая къ разсмотрѣнію упомянутыхъ выше матеріаловъ для характеристики экономическаго положенія переселенцевъ, водворившихся въ различныхъ районахъ Азіи, я прежде всего останавлиюсь на характеристикѣ земледѣльческаго хозяйства. Данныя о послѣднемъ представляются въ нижеслѣдующей таблицѣ:

	Степной районъ.	Лѣсо-степн. районъ.	Лѣс.-подтаежн. районъ.	Таетн. районъ.	Во всѣхъ районахъ.
% дворовъ производившихъ посѣвы . . .	97,3	97,2	95,4	89,4	95,4
Средн. размѣръ посѣва на дворъ.	7,0	4,5	3,9	2,6	4,8

*) См. „Матеріалы по обслѣдованію переселенческаго хозяйства въ степномъ краѣ, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерніяхъ“, т. I, II, III. 1905—1906. изд. Переселенческаго Управленія.

Цифры эти характеризуютъ экономическое положеніе крестьянъ-переселенцевъ въ различныхъ районахъ Сибири, но онѣ не могутъ отвѣтить на вопросъ: на сколько улучшилось это положеніе въ сравненіи съ таковымъ же на родинѣ. Слѣдовательно, для того, чтобы придти къ заключенію о значеніи переселеній для самихъ переселившихся, нужно принять во вниманіе аналогичныя данныя для районовъ выхода переселенцевъ.

Такъ какъ выше были приведены данныя какъ о районахъ выхода, такъ и о направленіи крестьянъ въ различные районы Азіи, то ниже приводятся данныя о среднемъ размѣрѣ посѣвовъ на 1 дворъ по тѣмъ же группамъ губерній за 1881—1890 г. *), т.-е. за время, предшествовавшее переселенію обслѣдованныхъ переселенческихъ хозяйствъ.

Группы губерній.	На 1 дв. приход. посѣва въ дес.
I	4,2
II	3,4
III	3,9

Сравнивая эти цифры съ приведенными выше и принимая во вниманіе, что первая группа губерній даетъ переселенцевъ для степного района, вторая—для лѣсо-степного и третья для лѣсисто-подтаежнаго и таетнаго, можно придти къ заключенію, что переселенцы изъ первыхъ двухъ группъ губерній выигрываютъ при переселеніи въ степной и лѣсо-степной районы, переселяющіеся въ лѣсисто-подтаежныя районы сохраняютъ тоже экономическое положеніе, а переселяющіеся въ тайгу—проигрываютъ.

Если же принять во вниманіе различные періоды жизни въ колонизаціонныхъ районахъ, то этотъ выводъ усугубляется. Нижеслѣдующая таблица рисуетъ постепенный ростъ земледѣльческаго хозяйства у переселенцевъ по времени ихъ водворенія.

Группы пересел. по времени водворенія.	Средній размѣръ посѣва на дворъ по районамъ:			
	Степному.	Лѣсо-степн.	Лѣсисто-подтаежному.	Таетному.
водворившіеся до 1896 г.	7,4	4,8	4,7	3,1
водворившіеся въ 1897—1899 . . .	7,3	4,1	4,2	3,5

*) Данныя взяты изъ Матеріаловъ Комиссіи.

водворившіеся въ 1900—1902	6,3	3,5	3,3	2,2
водворившіеся въ 1903	3,6	1,4	1,7	1,1
Всѣ вмѣстѣ	7,0	4,5	3,9	2,6

Данный этой таблицы говорятъ, что переселенцы во всѣхъ районахъ въ первый годъ жизни *) хозяйство ведутъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ на родинѣ, но затѣмъ у переселенцевъ первыхъ трехъ районовъ наблюдается перевѣсъ размѣровъ посѣвовъ надъ таковымъ же на родинѣ, при чемъ переселенцы степного и лѣсо-степного районовъ достигаютъ такого положенія въ первое за поселеніемъ трехлѣтіе, а переселенцы лѣсисто-подтаежнаго района—во второе трехлѣтіе. Что же касается переселенцевъ таежнаго района, то у нихъ даже черезъ 9 лѣтъ жизни на новыхъ мѣстахъ не наблюдается перевѣса посѣвной площади надъ таковою же на родинѣ.

Перейду теперь къ характеристикѣ второй стороны переселенческаго хозяйства—размѣровъ скотоводства.

	Степной районъ.	Лѣсо-степной.	Лѣсисто-подтаежный.	Таежный.
% дворовъ, имѣющихъ скотъ	97,4	98,0	97,8	96,0
Средній размѣръ скотоводства на 1 дворъ	8,5	11,6	10,8	8,3

Для оцѣнки настоящихъ цифръ приведу данныя о размѣрахъ скотоводства у крестьянъ трехъ группъ губерній Европейской Россіи за 1890 годъ.

	На 1 дворъ приходится головъ скота.
I группа	7,5
II группа	7,5
III группа	7,6

Сравненіе этихъ двухъ рядовъ цифръ приводитъ къ болѣе утѣшительному выводу, такъ какъ во всѣхъ районахъ наблюдается увеличеніе размѣровъ скотоводства, при чемъ особенно въ этомъ отношеніи выдѣляются лѣсо-степной и лѣсисто-подтаежный районы.

Посмотримъ теперь, какъ идетъ развитіе скотоводства у переселенцевъ по періодамъ жизни на новыхъ мѣстахъ.

*) Обслѣдованіе было произведено въ 1904 г.

		На 1 дворъ приходится головъ скота.			
		Въ степномъ.	Въ лѣсо-степномъ.	Въ лѣсисто-подтаежномъ.	Въ таежномъ.
		р а й о н а х ъ .			
У водворившихся до 1896 г.		11,7	16,1	13,4	12,3
" въ 1897—1899 гг.		12,1	16,2	11,9	11,2
" " 1900—1902 "		9,2	10,8	9,0	6,8
" " 1903 г.		6,4	3,6	2,9	2,8

Данныя цифры говорятъ, что въ степномъ, лѣсо-степномъ и лѣсисто-подтаежномъ районахъ крестьяне черезъ три-четыре года уже приобретаютъ благосостояніе, которое выше, чѣмъ на родинѣ. Но для переселенцевъ таежнаго района такое состояніе наступаетъ черезъ 6-7 лѣтъ.

Такимъ образомъ, данныя о размѣрахъ посѣвовъ и скотоводства у переселенцевъ указываютъ, что изъ всѣхъ рассматриваемыхъ колонизаціонныхъ районовъ таежный является самымъ плохимъ. Крестьяне, живущіе въ немъ, по размѣру посѣва даже черезъ 9 лѣтъ не достигаютъ того экономического положенія, отъ котораго они ушли съ родины, а по размѣрамъ скотоводства приобретаютъ лучшее, чѣмъ на родинѣ, положеніе только черезъ 6-7 лѣтъ.

А такъ какъ русскій крестьянинъ—по преимуществу земледѣлецъ, то понятно, что онъ не можетъ удовлетвориться такимъ положеніемъ и долженъ желать лучшаго.

Краснорѣчивымъ резюме приведенныхъ выше цифръ являются нижеслѣдующія данныя.

	Р а й о н ы .			
	Степной.	Лѣсо-степной.	Лѣсисто-подтаежный.	Таежный.
% дворовъ, признавшихъ себя окончат. устроившимися	92,3	85,7	82,6	69,6
% дворовъ, желающихъ идти искать новыя мѣста	7,7	14,3	17,4	30,4

Третья часть переселенцевъ таежнаго района недовольна своимъ положеніемъ и желаетъ уйти снова искать новыхъ земель, гдѣ могъ-бы быть осуществленъ идеалъ крестьянскаго счастья. И желаютъ уйти не только вновь прибывшіе, а и крестьяне, прожившіе нѣсколько лѣтъ, что видно изъ нижеслѣдующей таблицы.

Процентъ дворовъ, желающихъ уйти.

	Р а й о н ы.			
	Степной	Лѣсо-степн.	Лѣсисто-подтаежн.	Таетный
Водворившіеся до 1896 г. .	3,3	14,7	5,8	33,2
„ въ 1903 „ .	9,8	10,3	34,9	22,9

Если припомнить приведенныя въ началѣ настоящей главы данныя о размѣрѣ переселенческаго движенія въ таетный районъ изъ трехъ группъ губерній и сравнить эти данныя съ % крестьянъ послѣ 8-9 лѣтъ жизни желающихъ уйти изъ тайги, то можно придти къ заключенію, что этими недовольными являются не только переселенцы изъ южныхъ губерній, но и переселенцы изъ средней полосы Россіи, т.-е. изъ дубоваго предстепья.

Указанное стремленіе 30,4 % таетныхъ переселенцевъ нужно всецѣло отнести на счетъ естественныхъ условій тайги, но ни какъ не на счетъ личныхъ качествъ переселенцевъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи чрезвычайно интереснымъ является тотъ фактъ, что крестьяне, переселяющіеся въ тайгу, проявляютъ большую энергію, чѣмъ переселяющіеся въ степь и другіе колонизаціонные районы. Ниже приводимая таблица отмѣчаетъ это явленіе.

		Р а й о н ы.			
		Степной.	Лѣсо-степной.	Лѣсисто-подтаежн.	Таетный.
% дворовъ при- ступившихъ къ устройству хоз.	въ 1 годъ	51,1	84,1	80,7	86,1
	„ 2 „	40,3	10,1	11,9	5,7

Не смотря, однако, на стремленіе скорѣе устроиться на новомъ мѣстѣ, таетный переселенецъ, чтобы достичь того экономическаго положенія, которое онъ имѣлъ на родинѣ, долженъ потратить нѣсколько лѣтъ труда, но и то, въ отношеніи размѣра посѣва, онъ черезъ 8 лѣтъ жизни не развиваетъ посѣвную свою площадь до размѣровъ, оставленныхъ на родинѣ. Въ то же время переселенцы въ степномъ краѣ, приступая къ устройству своего хозяйства послѣ двухъ лѣтъ жизни, уже на 3-4 годъ послѣ переселенія имѣютъ подъ посѣвомъ больше земли, чѣмъ на родинѣ, да и скотомъ болѣе богаты.

Невольно возникаетъ вопросъ: почему же переселенцы идутъ въ тайгу, развѣ условія жизни въ степи и лѣсо-степи болѣе даютъ имъ, чѣмъ жизнь въ тайгѣ?

IV.

Чтобы подойти къ отвѣту на поставленный выше вопросъ, я долженъ напомнить читателю, что обследованныя 233 селенія возникли на участкахъ, образованныхъ специально для переселенцевъ въ 1893—1903 г. О 215 участкахъ удалось добыть точныя свѣдѣнія—о времени ихъ образованія, и такія же свѣдѣнія удалось добыть о времени возникновенія 209 изъ этихъ 233 селеній.

Расположеніе этихъ данныхъ по періодамъ въ пять лѣтъ каждый даетъ слѣдующую картину.

Р а й о н ы.	Участки образованы.			Селенія возникли.		
	1890—1894 г.	1895—1899 г.	1900—1904 г.	1890—1894 г.	1895—1899 г.	1900—1904 г.
Степной. . . .	15,4%	13,9%	21,8%	28,5%	14,5%	16,0%
Лѣсо-степной .	72,6 „	25,0 „	8,7 „	57,2 „	46,9 „	16,0 „
Лѣсисто-под- таежный . . .	4,8 „	16,7 „	4,3 „	—	15,1 „	2,0 „
Таетный . . .	7,2 „	44,4 „	65,2 „	14,3 „	23,5 „	66,0 „
	100	100	100	100	100	100

Для цѣлей настоящей статьи достаточно данныхъ объ образованіи переселенческихъ участковъ, данныя же о возникновеніи селеній являются лишь дополненіемъ первыхъ. Какъ видно изъ таблицы, образованіе участковъ въ степномъ краѣ шло колеблясь. Образовавъ въ первое пятилѣтіе 15,4 % участковъ, партіи по заготовленію ихъ во второе пятилѣтіе сократили работы, но зато въ третье пятилѣтіе работали болѣе интенсивно, чѣмъ въ первое. Въ лѣсо-степномъ районѣ образованіе участковъ шло по пятилѣтіямъ на убыль, въ лѣсисто-подтаежномъ образованіе участковъ также, какъ и въ степномъ районѣ, шло неравномерно и только въ одномъ таетномъ районѣ участки нарѣзывались съ большей интенсивностью. Фактъ этотъ нельзя однако относить къ случайному подбору 215 селеній. Въ „Очеркѣ по заготовленію переселенческихъ участковъ за время 1893—1899 г.“, изданномъ Министерствомъ Земледѣлія, приведены данныя, которыя показываютъ, что отмѣченный выше фактъ—не случайность. На стр. 296 этого очерка приведена слѣдующая таблица распредѣленія душевыхъ долей по участкамъ разныхъ типовъ по двухлѣтнимъ періодамъ.

На 100 долей приходилось въ участкахъ.

	Въ 1893—1894 г.	Въ 1895—1896 г.	Въ 1897—1898 г.
Степныхъ	46,9	33,1	26,3
Лѣсо-степныхъ	46,7	41,2	34,9
Лѣсныхъ	6,7	25,5	38,6

Эта таблица указываетъ, что въ степи и лѣсо-степи работы по образованію переселенческихъ участковъ шли на убыль, а работы въ тайгѣ—на прибыль. Очеркъ работъ по заготовленію участковъ вышеприведенную таблицу сопровождаетъ слѣдующимъ комментариемъ: „Цифры эти съ замѣчательною ясностью показываютъ, какъ постепенно, по мѣрѣ истощенія сравнительно ничтожнаго запаса земель, удобныхъ для культуры и въ то же время легко доступныхъ для разработки, приходилось обращаться къ землямъ, все болѣе труднымъ и менѣе доступнымъ“. Далѣе приведенъ еще слѣдующій комментарий: „Образованіе участковъ чисто лѣснаго типа въ началѣ изучаемаго періода, сообразно господствовавшему тогда отрицательному взгляду на колонизаціонную годность, такого рода площадей, допускалось лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія; напротивъ, въ послѣднее время, когда, съ одной стороны, истощились запасы земель, болѣе доступныхъ для культуры, а, съ другой—опытъ послѣднихъ лѣтъ заставилъ внести нѣкоторые поправки въ господствовавшіе ранѣе, по разсматриваемому вопросу, взгляды, обращеніе въ участки лѣсныхъ площадей вошло въ нормальный порядокъ вещей“ *).

Какъ показываетъ анализъ статистическихъ данныхъ о положеніи переселенцевъ, водворившихся на отведенныхъ для нихъ участкахъ, „опытъ послѣднихъ лѣтъ“, заставившій руководителей дѣла по образованію переселенческихъ участковъ включить отводъ лѣсныхъ участковъ „въ нормальный порядокъ вещей“, былъ видимо недостаточенъ. Для меня лично тенденція введенія образованія лѣсныхъ участковъ въ нормальный порядокъ объясняется тѣмъ, что дѣло образованія переселенческихъ участковъ, ведшееся внѣ связи съ цѣлою сложною сѣтью задачъ государственнаго строительства, въ силу этого должно было идти по линіи наименьшаго сопротивленія.

Въ степномъ районѣ образованіе участковъ постоянно встрѣ-

чало препятствіе со стороны права и факта киргизскаго землепользованія. Самовольно шедшая колонизація киргизской степи представляла прибѣгать къ отводу участковъ сначала на основаніяхъ или властнаго распоряженія или соглашенія съ киргизами, а затѣмъ, когда въ концѣ 90-хъ годовъ въ степи работала экспедиція Ф. Щербины, выработавшая нормы киргизскаго земельного обезпеченія, а отсюда и опредѣлила количество земель, подлежащихъ отводу въ колонизаціонный фондъ,—работа по образованію участковъ могла идти болѣе интенсивно. Этимъ объясняются отмѣченныя въ таблицѣ по пятилѣтіямъ колебанія въ дѣлѣ образованія участковъ. Образованіе участковъ въ лѣсо-степномъ районѣ, занимающемъ земледѣльческую полосу центральной Сибири и занятое старожильческимъ населеніемъ, встрѣчало препятствіе со стороны интересовъ послѣдняго. Сибирякъ привыкъ вести свое залежно-паровое, залежное или, какъ называютъ сибиряки, „пестропольное“ хозяйство, онъ привыкъ къ простору и всякое стѣсненіе въ пользованіи этимъ просторомъ должно было вызвать съ его стороны протестъ. Дѣло образованія переселенческихъ участковъ не было тѣсно связано съ дѣломъ поземельнаго устройства; послѣднее закрѣпляло за сибирякомъ его фактическое землепользованіе, а въ силу этого для образованія переселенческихъ участковъ оставалось все менѣе и менѣе свободныхъ пространствъ. Образованіе участковъ въ лѣсисто-подтаежномъ районѣ зависѣло отъ нахождения въ тайгѣ пригодныхъ для того площадей въ видѣ „бѣльниковъ“ или „еланей“, освободившихся отъ дремучаго лѣса послѣ пожаровъ. Если рекогносцировки находили значительный запасъ такихъ площадей—дѣло образованія участковъ шло интенсивнѣе, если же рекогносцировки не обнаруживали запаса бѣльниковъ и еланей—сокращалось и образованіе переселенческихъ участковъ. Только въ безмолвной необъятной тайгѣ партія по образованію переселенческихъ участковъ не встрѣчала препятствія ни со стороны права и факта владѣнія частями тайги населеніемъ ни со стороны естественныхъ условій. Единственное же заинтересованное въ тайгѣ учрежденіе—лѣсное вѣдомство, казалось бы должно было отнестись сочувственно къ дѣлу заселенія тайги, такъ какъ такое заселеніе обѣщало въ перспективѣ отпускъ лѣсо-рубочныхъ билетовъ тамъ, гдѣ раньше не кому было выдавать ихъ. Но и это вѣдомство, какъ показываетъ дѣйствительность, оберегая свои специфическіе инте-

*). См. „Очеркъ работъ“, стр. 296 и 297.

ресы, лучшія болѣ высокія мѣста тайги включило въ лѣсныя дачи, а для переселенцевъ согласилось уступить лишь низкія заболоченныя пространства.

Партіи по образованію переселенческихъ участковъ, побуждаемыя перечисленными препятствіями въ степи и лѣсо-степи, направили свою работу въ тайгу, гдѣ, уступая лѣсному вѣдомству, готовили для переселенцевъ участки въ самыхъ худшихъ низкихъ мѣстахъ.

Результатъ такой переселенческой политики сказался теперь на лицо и размѣромъ посѣвной площади въ 2,9 дес. на дворъ противъ 3,9 дес., бывшихъ у переселенца на родинѣ и противъ 3,9 дес. въ лѣсисто-подтаежномъ районѣ и 4,5 дес. въ лѣсо-степномъ, да стремленіемъ 30,4 % переселенцевъ уйти изъ тайги—говорить что „опытъ“, заставившій признать лѣсныя площади пригодными для заселенія не въ видѣ исключенія, а какъ общее правило, былъ или слишкомъ незначителенъ, или очень поверхностенъ, или же онъ относился не къ вопросу о возможности прочнаго устройства переселенцевъ, а къ вопросу большихъ или меньшихъ удобствъ при техническихъ работахъ по образованію участковъ.

Приведенные выше факты приводятъ къ заключенію, что та переселенческая политика, которая выражалась въ образованіи переселенческихъ участковъ, шла не по пути дѣйствительной нужды переселенческаго дѣла.

Переселенческая волна, идущая главнымъ образомъ изъ степной полосы Европейской Россіи, направляется также главнымъ образомъ въ степную и лѣсо-степную части Азіатской Россіи. Она катится въ этомъ направленіи, обуславливаемая жизненными требованіями составляющихъ ее единицъ, жаждущихъ лучшей доли, чѣмъ та, какая выпала имъ на родинѣ,—а ее, эту волну, пытаются загнать въ урманы, гдѣ бесплатно тратится энергія человека и откуда онъ готовъ бѣжать при первой же возможности.

Можно было бы подтвердить этотъ полученный выводъ о стремленіи крестьянъ уйти изъ тайги данными объ обратномъ движеніи переселенцевъ, но, къ сожалѣнію, имѣющіяся данныя относятся къ цѣлымъ губерніямъ, а не къ районамъ и обуславливаются, слѣдовательно, многими причинами. Тутъ вліяетъ и сокращеніе отвода участковъ въ лѣсо-степномъ и степномъ районахъ и непригодность тайги въ качествѣ колонизаціоннаго района и многія другія причины.

Тѣмъ не менѣе я приведу эти данныя для полноты освѣщенія разсматриваемаго вопроса.

% обратн. переселенц. къ прямому переселенію.

	Общій по всей Сибири.	Тоболь- ская.	Томская.	Енисей- ская.	Акмолин- ская.	Семипа- латинск.	Тургай- ская.
Средн. за 1894—1899 г.	13,8	10,5	12,4	9,2	10,2	26,2	39,5
„ „ 1900—1904 „	18,8	22,1	19,5	10,8	27	16,9	16,1

Какъ видно, только для Семипалатинской и Тургайской областей процентъ обратныхъ переселенцевъ понизился, во всѣхъ же остальныхъ областяхъ онъ повысился, при чемъ если въ Акмолинской области это повышеніе обуславливается сокращеніемъ образованія участковъ, то въ трехъ сибирскихъ губерніяхъ повышеніе процента обратнаго переселенія въ значительной степени объясняется образованіемъ участковъ въ тайгѣ.

V.

Характеризуя выше общее направленіе переселенческаго движенія въ различные районы Азіатской Россіи, я, на основаніи данныхъ обслѣдованія 233 селеній, указалъ, что главная масса переселенцевъ, идя изъ южныхъ губерній Россіи, и въ Азіи стремится поселиться на югѣ. Въ дополненіе къ приведеннымъ уже во второй главѣ цифрамъ прибавлю еще общія данныя о распредѣленіи переселенцевъ по различнымъ губерніямъ и областямъ Азіатской Россіи, водворившихся съ 1860 по 1905 г. Общее количество этихъ переселенцевъ, опредѣляемое въ 1.551.206 *) душъ обоюго пола, разселилось по Азіатской Россіи слѣдующимъ образомъ:

				На 1000 д. приходится.	
Степь	{	Акмолинская область	186.339	332.736	214,4
		Тургайская	115.348		
		Семипалатинская	6.925		
		Семирѣченская	24.124		
	Алтайскій округъ	645.361	416,3		

*) Это число показываетъ размѣръ выселенія изъ Европейской Россіи, но не размѣръ наличнаго населенія уже въ колонизаціонныхъ районахъ.

Центральн. Сиб.	Томск. г. (безъ Алтая)	156.859	} 428.136	276,0
	Тобольская	152.114		
	Енисейская	112.929		
	Иркутская	6.234		
Восточн. Сибирь	Амурская	63.820	} 144.975	93,3
	Приморская	81.155		

Эти общія цифры указываютъ на то, что юго-западная часть Азиатской Россіи, Алтайскій округъ и Киргизская степь, принявшіе вмѣстѣ 630,7 челов. изъ каждой тысячи, болѣе всего привлекаютъ переселенцевъ, такъ какъ только на югѣ крестьяне находятъ то экономическое благосостояніе, въ поискахъ за которымъ они ушли съ родины. А экономическое положеніе переселенцевъ на югѣ дѣйствительно выше. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводятся главнѣйшія данныя объ экономическомъ положеніи переселенцевъ какъ по различнымъ областямъ Азиатской Россіи, такъ и по тѣмъ четыремъ районамъ, о которыхъ я говорилъ въ III главѣ.

НА 1 ДВОРЪ *)									Данн. изслѣдован. 233 селеній.			
	Тобольская	Томская	Алт. окр.	Енисейск. г.	Акмолинск.	Семипалат.	Семирѣчен.	Сыръ-Дар.	Степь.	Лѣсо-степь.	Лѣс.-подт.	Тяжелый.
Посѣва въ десятинахъ . .	4,3	4,3	5,4	2,2	5,7	3,8	9,9	6,8	7,0	4,5	3,9	2,6
Крупнаго скота	5,0	5,0	7,6	5,3	5,8	8,6	15,6	8,0	5,1	5,0	3,8	3,3

Всѣ эти цифры указываютъ на то, что переселенцы, являясь преимущественно выходцами изъ южныхъ губерній Европейской Россіи, находятъ себѣ лучшее экономическое положеніе въ Алтайскомъ округѣ и въ степи, а также въ Семирѣченской и Сыръ-

*) Данныя о Тобольской, Томской и Енисейской губ., Алтайскомъ округѣ, Акмолинской и Семипалатинской областяхъ заимствованы у Кирьякова „Очерки по исторіи переселенческаго движенія въ Сибирь“. Данныя по Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областямъ вычислены по даннымъ административной статистики.

Дарьинской областяхъ Туркестана. Последнія двѣ области даже превосходятъ остальные части Азиатской Россіи.

Такимъ образомъ, жизнь указываетъ тотъ путь, по которому движется переселенческая волна, а, слѣдовательно, государство, взявшее на себя регулированіе переселеніемъ, должно не слѣпо брести на запяткахъ этого народнаго движенія, проявляя свою дѣятельность въ образованіи участковъ, въ межеваніи уже занятыхъ переселенцами земель и въ выдачѣ имъ ссудъ и пособій, а стать впереди его и расчищать путь для колонизаціи Азиатской Россіи, могущей проявить еще значительную колонизаціонную емкость.

Многочисленными законоположеніями о переселеніи крестьянъ, образованіемъ переселенческихъ участковъ, выдачею ссудъ и пособій—правительственная власть шла на встрѣчу лишь нуждамъ переселяющихся, да и то послѣ того, когда сама жизнь убѣдила ее въ невозможности сдержать переселеніе. Но эта сторона дѣятельности правительственной власти должна быть отнесена скорѣе къ типу благотворительной, а не государственно-созидательной работы. Отсутствие или слабое проявленіе идей созидательныхъ привело, какъ я указалъ выше, къ ошибкамъ, выражающимся между прочимъ въ томъ, что передъ переселенцами стали расчищать путь въ тайгу.

Между тѣмъ жизнь указываетъ, что не въ эти дремучіе лѣса направляется потокъ переселенческой волны. Современное переселеніе крестьянъ въ Азиатскую Россію представляетъ продолженіе общаго историческаго процесса расселенія русскаго племени по территоріи обширной руссійской низменности. Если мысленно пробѣжать прошлыя судьбы этого процесса и взглянуть на карту расселенія русскаго племени, находящуюся въ книгѣ Милюкова „Очерки по исторіи русской культуры“, то не трудно убѣдиться, что движеніе это направлялось на юго-востокъ, а когда къ концу XVIII столѣтія расселеніе на востокъ встрѣтило препятствія въ Приуральѣ, то оно въ XIX столѣтіи всецѣло двинулось на югъ, создавъ тамъ такіа цѣнные теперь въ экономической жизни Россіи районы какъ Новороссія и Сѣверный Кавказъ.

Движеніе въ Сибирь и Киргизскую степь во второй половинѣ XIX вѣка въ настоящее время встрѣтило рядъ препятствій, устраненіе которыхъ представляетъ задачу государства.

Дѣло въ томъ, что въ земледѣльческой полосѣ Сибири и въ

Киргизской степи, как я уже отмѣтилъ, переселеніе столкнулось съ интересами старожильческаго и киргизскаго населенія, привыкшаго къ простору землепользованія въ земледѣльскомъ и въ скотоводческомъ хозяйствѣхъ. Привычки населенія вести хозяйство въ томъ или иномъ направленіи обуславливаются цѣлымъ рядомъ причинъ и, хотя теорія и практика ясно указываютъ на возможность измѣненія этихъ привычекъ, указываютъ на возможность перехода къ инымъ болѣе совершеннымъ приемамъ веденія хозяйства, не нуждающимся въ широкомъ земельномъ просторѣ, тѣмъ не менѣе измѣненіе этихъ причинъ должно идти постепенно, такъ какъ быстрая ломка существующихъ приемовъ поведетъ лишь къ кризису.

Вліять на измѣненіе этихъ причинъ и черезъ это вліять на измѣненіе системъ хозяйства—въ предѣлахъ человѣка.

Такое вліяніе можетъ быть выполнено лишь планомерной работой общественныхъ организацій и государства.

Тѣ или иные системы хозяйства обуславливаются цѣлымъ рядомъ естественныхъ и экономическихъ причинъ, которые не представляютъ чего-либо неизмѣннаго, но они измѣняются разъ имѣются для того подходящія условія. И разъ жизнь указываетъ на наступленіе такихъ перемѣнъ, планомерная работа государства, направляющая жизнь по пути ея развитія, не только возможна, но и обязательна.

Мы въ настоящее время присутствуемъ при моментѣ перехода населенія Азіи отъ одной системы хозяйства къ другой и въ то же время при развитіи колонизаціи этой обширной части огромнѣйшаго въ мірѣ государства.

Историческій процессъ расселенія русскаго племени перенесъ переселенческую волну въ Зауралье; подъ вліяніемъ, съ одной стороны, этого процесса, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ измѣненія экономическихъ условій, въ значительной степени вызваннаго проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги,—сибирякъ началъ переходить отъ переложной системы хозяйства къ залежно-паровой, а мѣстами и къ трехполью; въ то же время въ киргизской степи, благодаря измѣненію историческихъ условій жизни, начался процессъ перехода отъ пастбищной системы хозяйства къ земледѣльческой, при чемъ въ южной части этой степи, благодаря искусственному орошенію, киргизы переходятъ прямо къ очень высокой интенсивной системѣ. Совокупность этихъ причинъ ведетъ къ сокра-

шенію размѣровъ землепользованія аборигенами, а, слѣдовательно, и къ освобожденію части земель, которыя могутъ быть заняты новыми колонизаторами.

Но этотъ начавшійся естественно процессъ совершается, съ одной стороны, въ такихъ рамкахъ социальнаго быта, которыя препятствуютъ трудовой человѣческой личности широко развитъ инициативу, а, съ другой стороны, при такихъ физико-географическихъ условіяхъ, для преодоленія которыхъ необходимы знаніе и умѣніе.

Сибирякъ переходитъ къ трехполью подъ давленіемъ увеличенія населенія, но онъ не можетъ пока перейти къ болѣе высокимъ системамъ земледѣлія, не видя примѣра и не зная приемовъ приведенія въ культурное состояніе такихъ земель, которыя безъ этого будутъ долго числиться неудобными, не пригодными для приложенія къ нимъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Соціальныя условія, выражаясь въ мѣропріятіяхъ по закрѣпленію за сибиряками находящихся въ ихъ пользованіи и владѣніи земель, въ массовомъ невѣжествѣ населенія и въ другихъ факторахъ—препятствуютъ эволюціи хозяйственной дѣятельности человѣка.

Въ киргизской степи мы сталкиваемся также съ отсутствіемъ знанія и умѣнія, каковыя условія въ южной части степи, въ Туркестанѣ, парализуются примѣромъ осѣдлыхъ сартовъ. Но социальныя условія въ киргизской степи сложились болѣе неблагоприятно для развитія человѣческой инициативы. Близкое знакомство съ киргизской степью приводитъ къ заключенію, что киргизскій народъ не представляетъ однороднымъ, переживающимъ патриархальный періодъ, многими почему-то считаеваемый золотымъ вѣкомъ. Подъ кажущейся однородной патриархальностью киргизъ кроется феодальный строй жизни, дѣлящій киргизъ на вѣнителей и порабощенную массу. Этотъ строй не остается, конечно, безъ вліянія на условія землепользованія и разбиваетъ въдребезги всякія мѣропріятія, клонящіяся, повидимому, ко благу всего киргизскаго народа. Условія распределенія земель между киргизами, какъ и вообще феодальный строй киргизской жизни, мало изучены, а безъ этого знанія невозможно выработать такіе законодательныя мѣропріятія, которыя оградили бы трудъ человѣческой личности отъ эксплуатаціи и позволили бы ей широко развивать свою хозяйственную дѣятельность.

Къ изученію всѣхъ сторонъ социальнаго быта киргизскаго на

рода мы не приступали и даже при первом напоминании о необходимости такой работы чужаемся ее, а в то же время своими действиями вносим изменения в жизнь, каковыи изменения не остаются без влияния. Я говорю о землеотводных работах в киргизской степи. По теории работы эти не могли бы, казалось, внести серьезно влияющие на весь строй жизни киргизь изменения, но в действительности в каждом отдельном случае совершались крупные изменения, совокупность которых привела к тому, что сначала робкие заявления киргизь о необходимости при водворении переселенцев принять во внимание их интересы вылились теперь в ряд петиций, указывающих, что выработка норм киргизского землепользования не удовлетворяет киргизь.

В петициях этих проявилось два течения киргизской мысли, слившиеся однако в одно требование: законодательным путем укрепить за ними право на землю и прекратить переселение крестьян в киргизскую степь. Повидимому в этом требовании выразилась национальная идея „киргизская степь для киргиза“, но это только повидимому. При существовании экономической и социальной дифференциации у киргизь, для большинства киргизской массы, мало обеспеченной скотом и переходящей от скотоводческого хозяйства к земледельческому, а также и для той массы безправных киргизь, которая находится почти в положении рабов у феодалов „бѣлой кости“, вопрос о правах на землю есть вопрос обеспечения их трудового пользования землею. Меньшинство же, так называемая „бѣлая кость“, состоящая из потомков ханов и султанов, а также из представителей современной киргизской плутократии, желает приобрести вотчинные права на землю и превратиться в помещиков, ведущих крупное скотоводческое хозяйство на обширной территории киргизской степи. Такие частные интересы вряд ли однако могут быть признаваемы подлежащими защите государства, так как крупное скотоводческое хозяйство, как и крупное землевладение, в конечном итоге существует за счет общего народного хозяйства.

Указанное настроение киргизь, с одной стороны, и одностороннее развитие переселенческой политики — с другой, в текущем году при особенно сильном переселенческом движении были фоном, на котором разыгрались в Акмолинской области кровавые трагедии. Во многих местах киргизы с весны оставались на

зимовках, опасаясь захвата их крестьянами. Опасение это оправдалось, и, когда прибыли переселенцы и не нашли уже свободных переселенческих участков за полным заселением последних в текущем же году, они приступили к захвату киргизских земель. На этой почве возникали кровавые стычки, в которых приходится винить не отдельных лиц, а целую систему, ту самую систему, которая, как было указано выше, дала отрицательные результаты в попытке колонизации тайги.

Факты из жизни сибиряков и киргизь говорят, что Сибирь и Киргизская степь, бывшая до сих пор объектами правительственных мѣроприятий, выражают страстное желание стать субъектами этих мѣроприятий. Интересы этих двух огромных частей государства и будущее их развитие должны занимать в правительственных мѣроприятиях первенствующее место. Тогда водворение переселенцев в степь колонизации мало-населенных этих окраин вступить на тот путь, по которому в течение нескольких столетий идет расселение русского племени. Колонизация, а не переселение — вот цель государства, для осуществления которой необходима планомерная работа.

В интересах колонизации, в интересах развития экономической жизни Сибири, Киргизской степи и Туркестана и сибиряк-старожилы, и крестьянине-переселенец, и киргизь и сарть, и многие другие аборигены приобретают равные права. Все они одинаково дороги должны быть государству, как его граждане. Для них оно существует и для них должно трудиться, так как общий труд этих этнографически обособленных групп создает общее народное богатство, а с ним вместе и мощь государства.

Вступая на путь государственного строительства в интересах колонизации мало-населенных частей государства, последнее будет работать в направлении, отмеченном всем ходом исторического процесса, и в направлении наиболее рационального развития народной хозяйственной жизни.

Но в таком случае должна быть изменена и существующая переселенческая политика. Не в содействии только переселенцам должна будет заключаться работа органов государственной власти, а в целом ряде широких мѣроприятий, направленных, с одной стороны, на изучение естественных природных условий колонизационных районов и на возможное изменение

этихъ условій въ интересахъ приложенія труда земледѣльческаго населенія, а, съ другой стороны, на изученіе экономическихъ, правовыхъ и социальныхъ условій жизни аборигеновъ страны и на такое измѣненіе этихъ условій, которое гарантировало бы трудовому населенію его свободное развитіе.

Задача колонизаціи открываетъ передъ государствомъ широкую дорогу для культурной работы.

Принимая во вниманіе естественныя условія, государство направитъ трудъ агрономовъ и гидротехниковъ на приведеніе возможныхъ для земледѣльской культуры пространствъ въ состояніе, пригодное для хозяйственной дѣятельности человѣка, созданіемъ сѣти агрономическихъ учреждений—оно дастъ возможность населенію колонизируемыхъ районовъ постоянно черпать необходимыя въ его хозяйственной дѣятельности знанія и умѣнія, а законодательными актами поставитъ дѣятельность трудового населенія колоній, безъ различія вѣры и національности этихъ колонистовъ, въ такія условія, которыя оградятъ трудъ человѣка отъ эксплуатаціи со стороны элементовъ, могущихъ процвѣтать лишь при современныхъ условіяхъ жизни. Пусть не смущаютъ многихъ, что территоріи колонизаціонныхъ районовъ въ настоящее время представляются пустынными, повидимому не пригодными для жизни. Надо помнить, что, говоря словами Buchnell'я, „вѣтры, бури, землетрясенія, моря и атмосферныя явленія не произвели на землѣ столь великихъ измѣненій, какія произвелъ человѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ явился на ней и началъ надъ нею господствовать“. Еще на земной поверхности вообще, а на территоріи Россійскаго Государства есть просторъ для разселенія, и при свѣтѣ науки и при помощи опирающейся на науку техники представляется широкая возможность созданія новыхъ экономическихъ районовъ, которые одинъ за другимъ будутъ возникать, такъ какъ совершающійся процессъ разселенія русскаго племени не закончился, а будетъ идти до безконечности и будетъ всегда имѣть колонизаціонное значеніе.

Пытаться свести это народное движеніе лишь къ дѣлу спасенія интересовъ землевладѣльческаго класса—значитъ пытаться своротить народъ и государство съ историческаго пути, который ведетъ къ разселенію русскаго племени по лицу всей земли русской.

Это разселеніе нельзя форсировать. Но нельзя его и представлять самому себѣ, какъ то было встарь. Идеи гуманизма дол-

жны руководить дѣятельностью государственной власти. Для нея не должны быть болѣе близкими къ сердцу представители той или иной народности. Въ дѣлахъ наибольшаго развитія народно-хозяйственной жизни государство должно такъ направить свою колонизаціонную дѣятельность, чтобы послѣдняя въ равной мѣрѣ служила интересамъ какъ аборигеновъ той или иной окраины, такъ и пришлаго населенія.

Знакомство съ дѣйствительнымъ направленіемъ того народнаго движенія, которое именуется переселеніемъ, приводитъ къ заключенію, что изъ провозглашенныхъ закономъ 6 іюня 1904 г. двухъ принциповъ переселенческой политики, только принципъ колонизаціи соответствуетъ общему ходу историческаго процесса, проявляющагося нынѣ въ переселеніи крестьянъ въ Азіатскую Россію. Только этотъ принципъ представляется желательнымъ и необходимымъ въ интересахъ какъ переселяющихся, такъ и въ интересахъ всего народнаго хозяйства. Дѣйствуя въ интересахъ колонизаціи, государство будетъ идти вмѣстѣ съ народомъ, будетъ дѣлать съ нимъ одно общее народное дѣло и выйдетъ изъ того фальшиваго положенія, какое замѣчалось до нынѣ и которое выражалось въ розни между жизнью народа и дѣйствіями правительственной власти, долженствующей регулировать ходъ народной жизни.

Долго, слишкомъ долго царилъ рознь между ходомъ народной жизни и дѣятельностью правительства, и давно пора уничтожить эту рознь. Въ дѣлѣ переселенческой политики эта рознь устранилась съ того момента, когда правительственная власть вступила на путь широкой колонизаціонной дѣятельности. Къ этому побуждаютъ ее не только интересы общаго народнаго хозяйства, но и интересы того переселяющагося элемента, попечительное отношеніе къ которому проходило красной нитью черезъ дѣятельность правительства. Не опеки и попечительства желаетъ народъ, а широкой дѣятельности, долженствующей устранить съ его пути всѣ тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ развитію его трудовой инициативы.

О. Шкапскій.